

СТЯАКЕР

Светлана Кузнецова

[НОВАЯ ЗОНА]
КРАДУЩИЙСЯ ВО ТЬМЕ

Апокалипсис-СТ

Светлана Кузнецова

**Новая Зона.
Крадущийся во тьме**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кузнецова С. А.

Новая Зона. Крадущийся во тьме / С. А. Кузнецова —
«АСТ», 2017 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-982673-6

Зона затаилась внутри периметра, эмионики обосновались в небоскребах Москва-Сити и вот уже три месяца никак не заявляют о себе. Они выжидают. В этом уверены и глава Института Исследований Зоны Шувалов, и Ворон с Денисом. Однако не только странное поведение могущественных хозяев Москвы беспокоит их. Некто целенаправленно прореживает ряды сталкеров, убивая даже тех, кто ходил в периметр лишь единожды. Неизвестные многочисленны, неуловимы и кровожадны. Они не оставляют следов, кроме едва заметных царапин на полу. Враги действуют теперь не только в бывшей столице, но и за ее пределами. А здесь еще бывший студент-биолог и его напарник, выглядящий много моложе собственных лет. Со всем этим предстоит разобраться.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982673-6

© Кузнецова С. А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 0	6
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Светлана Кузнецова

Новая Зона. Крадущийся во тьме

© С. А. Кузнецова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 0

Свет горел всегда: и днем, и ночью. Он привык к нему, перестал замечать. Когда свет потух, даже не сразу сообразил, что именно изменилось.

Сколько же он лежал? День, два, неделю или даже месяц? А может, всего несколько часов? В барокамере (он знал, герметичная капсула называется иначе, но забыл, как именно, а это слово само приходило на ум и просилось на язык) не имелось ни часов, ни чего-нибудь еще для слежения за временем, а у него самого не нашлось бы при себе даже гвоздя – поцарапать белоснежную эмаль на крышке. Да и вряд ли ему удалось бы подобное с недвижными руками.

Будь он обычным узником, отмерял бы время по приемам пищи. Однако он оказался лишен даже такой возможности: питательный раствор подавали внутривенно.

К нему крепились три трубки для вывода отходов жизнедеятельности (последняя – на случай, если будет тошнить). Датчиков подключили столько, что он даже думать боялся – вдруг считывают. Но это он, конечно, шутил. Хотел бы он уметь не думать, авось время пролетело бы незаметнее. Так ведь нет: лежал и вспоминал, размышлял, сочинял... Несколько раз пытался мысленно поиграть с самим собой в шахматы, только вот ведь незадача – постоянно нарывался на ничью. А ведь так хотелось хотя бы раз в жизни поставить самому себе мат. Причем так, чтобы он же сам и не поддавался.

«Вы в буквальном смысле слова рождаетесь заново! – говорил профессор Сестринский, когда прощался с ним перед изоляцией. Затем посмотрел на иглу в вене, на трубку и добавил: – Это ваша пуповина, осторожнее с ней».

Сравнение показалось красивым, он даже оценил. Реальность же слегка не соответствовала. Не рождение – возможность ухода от участи, много хуже, нежели смерть. Не пуповина – попытка не дать загнуться телу, не способному после ввода препарата воспринимать обычную пищу. Сестринский утверждал, будто со временем (как раз срок в барокамере истечет, а то и раньше) пищеварительная система полностью восстановится, и верить ему хотелось сильнее, нежели не верить. Так или иначе, но в тот последний день в нормальном мире он улыбался.

Сколько же до него проходили через эту камеру? Он не интересовался, да и зачем? Ему вполне хватило того процентного соотношения, что озвучил отец... вернее, человек, некогда давший ему жизнь: один из десятка. Кто-то не выдерживал физически, другие сходили с ума (по официальной версии: от вынужденного одиночества). Профессор Сестринский не пытался облегчить ужас изоляции, да и правильно делал, поскольку если человек не может справиться с самим собой, слишком привязан к «человеческому стаду», то и подниматься над ним не должен – не приведет это ни к чему хорошему.

Можно со вкусом, сколь угодно долго рассуждать о безумном гении, великом ученом, постигшем законы мироздания, и много о чем еще. В том числе припомнить какую-нибудь чушь про Творца и Эдем. Будь о лаборатории и «Рыцарях» известно общественности, пикеты стояли бы от Московской кольцевой до Красной площади. Сестринского сочли бы антихристом, никак не меньше, а его «птенцов» (забавно, но профессор именно так называл тех, кто прошел через барокамеру) – демонами и исчадиями зла, мутантами, людьми нового двадцать первого века, очередным витком эволюции, прорывом...

Против столь пафосного названия, как исчадие зла, узник барокамеры не имел ничего против. От исчадий не ждут соответствия неким моральным нормам, которые, как правило, у людей различны, и более того, они сами же им не следуют. Давно подмечено: чем сильнее некий индивид ждет и требует от других, тем больше с гнильцой сам. А с исчадий – никакого спроса, и это просто превосходно.

Он придумал, как станет прозываться, когда выйдет отсюда: Ворон. Птица вещая, мудрая и живущая на два, а то и три мира.

В юности он любил скандинавские саги. Особенно про Хугина и Мунина – пару черных птиц, летающих по человеческому миру, Мидгарду, и сообщающих богу Одину обо всем, происходящем на свете.

Русские сказки тоже не обходили этого пернатого стороной. Ворон и гибель предрекал, и живую воду принести мог. А вот христианская церковь, как и иудейская, считала его птицей дьявольской. Ну, да эти религии никогда не были близки тому, кто на полном серьезе решил прозываться Вороном. В каком-то смысле он действительно родился в этой камере. Глупо было бы теперь умирать.

Одиночество не трогало и не напрягало. Ворону, сколько он себя помнил, гораздо труднее давалось постоянное общение с людьми. От них всегда хотелось держаться подальше, несмотря на то, что затворником он не был. Он не мог пожаловаться на отсутствие друзей, его общества искали, ему нравилось находиться в центре внимания, но недолго. Он скорее предпочитал наблюдать и выжидать.

Сейчас он отдыхал и набирался сил. И спал, несмотря на постоянно горевший свет. Хотел бы он знать, не облучают ли его какой-нибудь гадостью?.. Впрочем, нет. Какой смысл в знании, которое нельзя использовать?

Сестринский сильно интересовался Чернобылем и всевозможными штуками, которые в нем находили, часто испытывая их на своих «птенцах» или обычных подопытных. Он находился в постоянном поиске новых вакцин, препаратов, средств если не вечной жизни, то хотя бы от старости. Может, и перебарщивал временами: смертность в лаборатории была аховая.

Ворон не верил, будто нормальный, здоровый (в отличие от него самого), разумный человек может свихнуться от одиночества и выдернуть иглу из вены, обрекая себя на голодную смерть (а именно так заканчивали жизнь потенциальные «птенцы» в большинстве случаев). Ерунда какая-то. А ведь (и это он знал наверняка) все участники эксперимента шли на него добровольно. Мог на них влиять какой-нибудь теоретически полезный, а по факту вредный артефакт? Да, вполне.

Впрочем, он очень быстро выкинул эту мысль из головы. Во-первых, от него все равно ничего не зависело. Во-вторых, захотелось спать.

В барокамере сны стали его отдушиной: яркие, сюрреалистичные или, наоборот, обыденные настолько, что их так и хотелось спутать с реальностью. Не путал: слишком глубоко сидела в мозгу мысль о невозможности двигаться. Грезил он почти постоянно, наслаждаясь процессом и пытаясь толковать те или иные детали, которые успел запомнить.

Он видел себя на поле брани в белом плаще, закопченном и пыльном, сжимающим тяжелый меч. Он рассматривал тело поверженного сарацина и единственное, что ощущал, – удовлетворение. Он был инквизитором и каким-то индейцем на золотом троне. Он отдавал приказ о казни нескольких десятков человек. Командовал обороной крепости, прекрасно зная о тщетности сопротивления, но не собирался выкидывать белый флаг. И его самого резали, избивали до смерти, топили, сжигали, сбрасывали под поезд, травили, стреляли и казнили бесчисленное число раз. Каждая смерть во сне сопровождалась болью в реальности. Вначале он стонал, потом научился просто стискивать зубы и переживать неприятные моменты.

Несколько раз Ворон пытался предотвратить навязанную воображением судьбу. Иногда ему даже удавалось это. Он радовался, как ребенок, но ровно до тех пор, пока не понимал, что просто домысливает сновидение, а сам-то давно уже не спит.

Самым неприятным оказывался яд, особенно – долго действующий. Сидеть в ожидании кончины, прекрасно зная об отсутствии противоядия и подавляя стремление бежать за

помощью все равно к кому, умолять сохранить жизнь, казалось по-настоящему страшно. А еще несколько раз он видел себя в детстве и в школе: рутинные моменты, скучные и напряженные. Ворон сталкивался с мнением, будто ни писать, ни читать во сне нельзя, но ему удавалось. Правда, буквы оказывались не обычными, а напоминающими рунические символы. А уж решение во сне задач по математике и уравнений с двумя неизвестными оборачивалось той еще головной болью.

От мигреней Ворон научился избавляться сам. Может быть, за ним и наблюдали. Возможно, срабатывал какой-то датчик на теле, и внутривенно подавалось обезболивающее, но он не знал об этом и первое, что пытался сделать, – боль осознать и принять, а потом раствориться в ней и тем самым уничтожить. Получалось не всегда, но самовнушение – великая вещь, как говорил кто-то из классиков.

Однажды он увидел смерть отца. В реальности он не желал иметь с ним ничего общего. Ворона воспитывала мать, однако он точно ни в чем не нуждался и учился в очень престижной школе при посольстве, мог позволить себе любую книгу и хобби. Многие ли могли похвастаться подобным во времена тотального дефицита или передела власти и ресурсов? Вряд ли.

Отец появлялся в его жизни всего трижды, и каждый раз Ворон предпочитал поступать по-своему и ни разу не жалел об этом. Согласился он при встрече четвертой, когда отец пришел к нему в палату и предложил стать подопытной свинкой. А ответил бы отказом – остался парализованным неизвестно на какое время, хорошо, если не на всю жизнь.

Ворон не помнил, что чувствовал, когда увидел застреленного отца. Потерю ощутил точно, и она осталась с ним навсегда, несмотря на то, что это был всего лишь сон.

Еще одно сновидение он запомнил очень четко.

Все начиналось, как фантастический боевик или компьютерная игрушка с очень хорошей графикой. Он стоял посреди вымершей Москвы, в которой (и он знал об этом точно) почти не осталось людей.

Столица представляла собой полигон вроде чернобыльского. Ворон лично открутил бы руки и иные части тела тому, кто подобное допустил, но сон не предоставлял информации, кто и почему виновен в столь плачевном положении в родном городе.

На него нападали какие-то существа, которым с ходу не выходило даже дать приличных названий. Наверное, хотели съесть, а может быть, защищали свою территорию. Атаковали они внезапно, но Ворон каким-то образом предвидел и ждал их действий, потому и давал достойный отпор.

Разглядывая поверженного прусака размером с кавказскую овчарку, он и заметил еще одно... существо.

– Вы-хо-ди...

Мальчишка вздрогнул, присел, обнимая колени, и попытался сделаться как можно меньше и незаметнее. Возможно, он хотел куда-нибудь уползти по-тихому, но Ворон не собирался дарить ему подобную возможность, да и не хотел.

Мутировавшие дети представляли собой серьезную опасность. Они обладали сильными экстрасенсорными способностями. Людей обычных они подчиняли себе с помощью эмо-удара – он же «бомбардировка счастьем». Подпавший под него человек шел за таким ребенком куда угодно.

Впрочем, этот конкретный эмионик явно не вызывал желания опекать и заботиться. Да и выглядел он далеко не блестяще: невысокий, худющий, с огромными глазами на поллица и впалыми щеками. А еще грязный: даже цвет волос определить не выходило. Сколько ему лет, Ворон не брался даже предположить.

– Ну! – прикрикнул он.

Мальчишка едва не подпрыгнул от окрика, встал, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, посмотрел затравленно и вместе с тем дерзко. Ростом он, пожалуй, достигал ему до плеча, значит, лет тринадцать – аккурат на границе между ребенком и подростком, наверное, потому Зона его и не прибрала окончательно.

Конечно, еще не вечер, и у мальчишки есть большой шанс загнуться от голода, но нечто в его облике точно просматривалось: вроде и человек, но уже не совсем. Нет, убивать его Ворон не собирался. Впрочем, особого желания с ним возиться он тоже не испытывал. Ладно, черт с ним, кому-нибудь сбегит, не так уж мало у него знакомых лидеров кланов, которые ему кругом обязаны.

Мальчишка сделал робкий шаг в его направлении и преобразился. С лица и рук исчезла грязь, волосы оказались русыми с золотистым отливом, обноски превратились в синие джинсы и темно-серый свитер с двумя полосками из ромбиков черного, желтого и белого цветов, у Ворона в детстве был такой же... так, стоп!

– Замер! – озвучил он мысленный приказ, и мальчишка замер как вкопанный.

Все же способности налицо. А змеиная сущность?..

– Попробуешь снова – убью, – мягко и спокойно сказал Ворон. Мальчишка явно понимал человеческую речь – шел на контакт и беспрекословно подчинялся. Даже более того: сначала выполнял приказы и только потом удивлялся, с чего бы вдруг ему проявлять покорность.

...И снова напал.

– Черт! – Ворон прикусил губу до крови и схватился за висок. Он должен был ощущать эйфорию, всепоглощающую любовь к маленькому засранцу, но чувствовал только, как в голову входит раскаленный добела стальной штырь. То ли эмионик попался дефективный, то ли все дело в самом Вороне – попробуй разберись.

Он все же выстрелил в направлении мелкого паршивца, когда не смог больше терпеть. Мальчишка ахнул и упал на колени, но живым все же остался и даже не обмочился с перепуга, хотя глаза зажмурил.

– Считай последним предупреждением, – прошипел Ворон.

Мальчишка пошевелился. Наверняка задумал еще что-то. Из-за угла ближайшего дома, расположенного метрах в двадцати от них, шаркающей походкой вышел труп, зомбяк, ну или матрица, если по-научному. Что-то тащил, но Ворону это показалось уже не важным.

– Отзови, – приказал он, а потом просто отцепил от пояса гранату и кинул под ноги трупаку. Вот еще не хватало с ним возиться! Благо укрытие в виде полурухнувшего кирпичного гаража находилось поблизости.

О мальчишке, надо признать, Ворон в тот момент не подумал, но тот сообразил быстро, рухнул на землю, прикрыв руками голову, и подскочил, стоило отгрянуть взрыву.

– Нет! – то ли пискнул, то ли всхлипнул он и затараторил: – Эо ыла еда. Можно ест... ыло... Еда!

– Ты все же не разучился говорить?.. Или это у тебя шок так проявляется? – усмехнулся Ворон, наблюдая самое настоящее горе недоэмионика, который более не походил на опасную тварь, а скорее, на несчастного потерянного человеческого детеныша – Маугли нового времени. Был ли Ворон обрадован таким обстоятельством? Пожалуй, да. Несмотря на попытку эмо-удара и прочие выкрутасы мальчишки, ему действительно хотелось помочь.

– Йа оворил... – Он открывал рот, какое-то время вспоминал слова, неловко шевелил языком, но, пусть и с трудом, произносил звуки, и его даже удавалось понять.

– Я не слышал. – Ворон поймал себя на сочувствующей интонации и поморщился.

Впрочем, мальчишка не услышал слабости в его голосе, ему, похоже, стало ни до чего. Он как-то рассеянно огляделся, пошатнулся, упал на руки, затараторил:

– Есть... еда... хочу...

– Что? – Ворон подошел к нему, пусть этого не стоило делать, присел на корточки и потербил за плечо. Вряд ли мальчишка стал бы кусаться, да и не в том состоянии пребывал, явно собираясь упасть в обморок.

– Парень?.. Эй!..

* * *

Света все не было, а затем пришло удушье. Ворон подумал, что, должно быть, так и сходили с ума те, кто не выбирался живым из барокамеры. Наверняка ему только казалось, будто что-то пошло не так, – чертова мнительность разыгралась. Однако убедить себя в этом не выходило. Перед глазами вместо белоснежной крышки висела непроглядная тьма.

– Дышать темно – воздуха не видно, – пробормотал Ворон и с трудом узнал собственный голос. Сколько же он молчал?.. – Эй!

Он понятия не имел, могли ли слышать его снаружи, в барокамеру звуки не проникали, но если имелся хотя бы малейший шанс привлечь к себе внимание, следовало воспользоваться им.

– Эй!

Так шуметь можно хоть до бесконечности или, вернее, посинения. Воздуха катастрофически не хватало. Стало жарко, но вряд ли из-за подскочившей температуры в барокамере, скорее всего Ворон запаниковал. Он дернулся чисто инстинктивно, даже не задумавшись о том, что парализован, и неожиданно натолкнулся рукой на стену.

«Я сумел пошевелиться!» – эта мысль опалила разум, прогнала панику и на несколько мгновений стала самой важной в жизни. Затем он выдернул из вены иглу и принялся ощупывать крышку барокамеры.

Во внешнем мире произошло нечто незапланированное: вряд ли отключение электричества (на этот случай стояли аварийные генераторы) и точно не халатность. Более того, раз никто не кинулся к нему на помощь, Сестринский и его сотрудники либо изолированы, либо уже мертвы. По-хорошему, Ворону следовало затаиться и выждать несколько часов, прежде чем пытаться выбраться самостоятельно, но именно времени у него и не осталось.

Обесточенная барокамера утратила герметичность, крышка прилегала неплотно, но и не поддавалась.

– Стоп, – самому себе сказал Ворон, зажмурившись и резко распахнув глаза, по-прежнему не видя ничего вокруг. – Если неплотно, то я не задохнусь. Наверное. Или по крайней мере не задохнусь в течение пары минут. Надо думать.

Он попытался сосредоточиться на своем теле, ощутить руки и ноги, каждую мышцу, напрячься. Полгода в постели превратят кого угодно в амебу, мышцы атрофируются, и ходить придется учиться заново, но отец водил к нему массажистов, а Сестринский устраивал и иглотерапию, и бил током. Ворон не возражал, хотя ему все эти действия казались тщетными.

«Мертвому припарка», – фыркнул он, но сейчас ощущал себя, как прежде, может, и не полным сил, но хотя бы способным передвигаться без посторонней помощи.

– Вот и проверим, – прошептал он, подтягивая колени к груди и опираясь подошвами в крышку-люк. – Р-раз...

Повторять не потребовалось, раздался щелчок, и крышка с шипением отъехала в сторону. В глаза ударил яркий свет, благо он вовремя закрыл их и прикрыл веки ладонями.

Времени привыкать и осматриваться не было, теперь оно летело вперед, как свихнувшийся машинист скоростного поезда. Ворону удивительно, просто чертовски повезло. Если никто его не окликнет, не заметит и не попытается пристрелить – впору уверовать в помощь свыше. Пока все казалось спокойно, но могло измениться в считанные секунды.

Он выбрался с трудом, в ушах звенело от слабости, ноги подгибались, но все это казалось не важным по сравнению с возможностью двигаться. Металлический запах, к которому примешивалось еще много чего отвратного, он ощутил много позже, лишь очутившись на твердом полу, выпрямившись и оглядевшись.

Лаборатория оказалась залита кровью, та стекала со стен и столов, заливала пульта управления, к которым под страхом участи худшей, чем смерть, не позволялось подходить с кофе и бутербродами (водился за сотрудниками грешок перекусывать на рабочем месте). Она скапливалась в неровно положенной плитке на полу, подобралась к носкам Ворона и промочила их. Алая, омерзительно яркая и потому не воспринимаемая адекватно.

Ворону казалось, он снова во сне или в какой-то убогой компьютерной или кинореальности, создатель которой не примкнул к заговору всех киношников мира и во имя большей реалистичности не затемнил кровь.

– Теперь мне нужна обувь, – сказал Ворон самому себе, – и пусть это будут не шлепанцы.

Когда-то давно, сейчас казалось – в позапрошлой жизни, он воевал. И уже тогда, в юные годы, не страдал идиотскими фанабериями. Убитым ботинки уж точно без надобности, даже если прямо сейчас сюда явится Зона и превратит их в ходячие трупы.

Выбрав на глазок, Ворон стянул обувь с одного из убитых. На заляпанную кровью одежду он не претендовал, хотя та и требовалась. Когда он ложился в барокамеру, стояло начало осени. Даже если в изоляции он провел всего несколько дней, в майке и спортивных штанах по улице не походишь.

Пока искал раздевалку, пришел к выводу, что спецы, устроившие зачистку лаборатории, ушли. Стояла звенящая тишина, которую принято называть мертвой. Впрочем, Ворон все равно старался передвигаться бесшумно.

К своему неудовольствию, расположения комнат он не знал. На стене одного из коридоров заметил план эвакуации при пожаре, изучил, но понял только, как выбраться из здания. Ни архива, ни бухгалтерии, ни кабинетов начальства на нем не указывалось.

Следовало осмотреться в поисках каких-нибудь документов, но Ворон отбросил эту мысль. Чувствовал себя он паршиво, к тому же опасался наткнуться на вполне определенный труп – своего отца.

В том, что неизвестные убийцы раненых не оставили, он не сомневался. Хотелось бы знать, почему никого из них не заинтересовала барокамера и ее содержимое, но подумать об этом можно было и позже. Во всяком случае, он прекрасно знал подобного рода спецов.

Прозвище «тяжелые» подходило к ним на все сто процентов. Экипированные в шлемы и доспехи, прибавляющие им килограммов десять-двадцать веса, немаленького роста. Перед ними ставили только самые конкретные задачи: зачистить территорию, например, или положить всех живых мордой в пол (при этом целыми оставались лишь те, кто успевал упасть сам). Таким было не до барокамеры: они громили. И это же означало, что скоро сюда придут другие, заглядывавшие в каждую щелку, носом роющие плитку на полу и стенах. Чем скорее удастся удрать, тем лучше.

Ему снова повезло: Ворон наткнулся на каморку охраны. Здесь нашлось все необходимое, начиная от аптечки и кончая сменной одеждой. Трупы отсутствовали, и это не могло не радовать. Удалось бы даже перевести дух и отдохнуть, но не стоило. Он лишь осмотрел руку и замотал бинтом. Снимать катетер сам Ворон не решил. Еще он наконец влез в джинсы и нашел куртку. Рубашка неизвестного охранника в плечах оказалась безнадежно мала, но отсутствие этой части гардероба он точно переживет. А главное, в столе лежал мобильный телефон и кошелек, в котором нашлась вполне приличная сумма.

Больше всего Ворон опасался того, что за выходом могут установить наблюдение, но либо ему снова повезло (вечер переходил в ночь, а фонари не горели), то ли действовал

слишком нагло и быстро. Он не только вышел, но и поймал попутку, добрался до Москвы, потом до метро и затерялся в толпе спешащих по домам людей.

Никогда поездки на общественном транспорте не давались ему столь тяжело. На «Парке культуры» он едва не умер. Очнулся на лавочке, причем бутылку минералки ему протягивал какой-то бомжеватого вида мужик в сером пальто.

– Спасибо, – пробормотал Ворон, принимая подношение.

Мужик кивнул, развернулся и влез в отъезжающий поезд.

– Хоспода пассажиры... помохите Христа ради, – донесся до Ворона его заискивающий голос, прежде чем двери захлопнулись.

Бутылка оказалась непочатой, но Ворон отпил бы из нее в любом случае. Сейчас он снова находился на войне, а значит, чувство брезгливости отключилось.

На станции имелся вай-фай, и телефон ловил сеть. Какое-то время Ворон раздумывал, не выйти ли на поверхность, но решил не рисковать: сейчас находиться в толпе было безопаснее. Главное, не отключиться и не привлечь внимание сотрудников правопорядка.

Номер всплыл в памяти мгновенно, хотя не факт, что по прошествии нескольких лет кто-нибудь на него ответит: в России отвратительно относились к симкам.

– Слушаю, – ответил знакомый жизнерадостный голос через четыре гудка.

Ворон понял, что при всем желании не сумеет выдать из себя ничего похожего на приветливость, и мысленно махнул рукой:

– Привет, Роман, извини, что давно не напоминал о себе. Когда-то ты спас мне жизнь, если несложно, сделай это снова...

* * *

Мелодия звонка заиграла слишком резко, хотя раньше за «Темой мечты» Алексея Рыбникова такого не водилось никогда. Ворон выругался и сел на постели. Ему никогда не снилось прошлое. От Дениса он, что ли, подхватил эти флешбеки? Так недалеко и до криков по ночам.

Голова раскалывалась. Ворон нащупал трубку, глянул на экран и грязно выругался.

– Слушаю, Василий Семенович, – поздоровался он, однако, вежливо.

Глава 1

Звук шагов казался неприятно громким. Никита постоянно морщился, он терпеть не мог этот каменный мешок, по которому проходил раз за разом. Эхо подхватывало любой, даже самый незначительный звук, усиливало и уносило, предупреждая всех и каждого о его скором появлении.

Дим был еще тем параноиком и постоянно повторял, что когда-нибудь эхо спасет ему жизнь. Ему-то, может, и спасет, а вот Никита боялся едва ли не до печеночных коликов: и темноты, разгоняемой тусклыми лампочками в металлических конусах, подвешенных через каждые десять шагов, и этот чертов каменный тоннель, в котором не скрыться, а только бежать назад или вперед, смотря откуда появится опасность.

Дим тоже пугал его поначалу почти до разрыва сердца, уж очень походил на маньяка из дешевого киносериала: лысый как коленка, крепкий и жилистый, с пронзительными темно-серыми глазами с двумя пятнами карего оттенка на радужке. Как уставится – хоть стой, хоть падай. Схожие чувства у Никиты вызывала собака породы бультерьер – соседи по лестничной клетке держали очень общительную зверюгу, которая постоянно лезла к посторонним, а уж сожителей по подъезду и вовсе не пропускала – тоже смотрела своими пороссячими глазками без единой мыслишки, то ли загрызть хотела, то ли поиграть.

Впрочем, если бы не Дим, Никита с огромной вероятностью не выжил бы во внезапно изменившемся мире. Не стал тем, кем являлся сейчас, уж точно.

Кем он был до всей этой истории? Среднестатистический студент-биолог. Правда, учился он в престижном московском вузе, в который поступил лишь благодаря собственным мозгам и без какой-либо протекции или репетиторов, но в столице подобное не столь и важно. За душой – ни гроша, кроме бабушкиной квартиры в Царицыно.

Он подрабатывал в ветеринарной клинике на Коломенской, и денег даже хватало на оплату коммуналки и не протянуть ноги с голоду, однако ничего более, никаких долго или близко играющих перспектив в жизни не намечалось. И самое отвратительное – с годами ничего не изменилось бы.

Когда родители еще не погибли в автокатастрофе, постоянно давили на него: иди в финансовую сферу, учись, не пропадешь. В результате они так достали, что, почувствовав свободу, Никита плюнул на все и решил осуществить детскую мечту: лечить животных.

Ну и с чем он остался в результате?..

Вспоминая сейчас то, по-настоящему безоблачное время на пороге восемнадцатилетия, Никита понимал, что вот как раз тогда-то все у него и было правильно. Абсолютное счастье: любимое дело, работа, финансовый доход и свобода. Мало кому давалось подобное практически сразу после школы. А потом... пришла Зона.

Никита не знал, о чем думали власти, тот же мэр, в который раз «облагораживающий» город новым дизайном от своих родственников (в этот раз лавочками из полимерных материалов самого нового поколения, которым ни морозы не страшны, ни летний зной), или правоохранители, или различные службы госбезопасности. То ли не верили они, будто с Москвой может случиться нечто из ряда вон выходящее, то ли рассчитывали прибрать к рукам освободившийся от жильцов центр. Сразу после эвакуации глава города бил себя кулаком в грудь и обещал чуть ли не самолично уничтожить аномалию: вначале через месяц, потом через два, три, к Новому году, к лету, а затем его вдруг резко стало не видно и не слышно.

Вполне возможно, именно Никита и его коллеги по ветклинике стали первыми свидетелями надвигающейся угрозы. Приблизительно за полгода до катастрофы к ним валом повалили различные мутировавшие животные: кошечки с внезапно посиневшими глазами («Совсем как в Дюне», – восхищалась одна из хозяек), собачки, у которых отрастала пятая

лапа или появлялись совершенно несвойственные ранее признаки поведения, попугайчики, сбросившие оперение и принявшие обрести мехом. Случаи мутаций они, конечно, фиксировали и раньше, но в основном у бездомной живности, кормившейся на помойках и бродящей где попало, в том числе и вблизи складов артефактов. А тут – поток именно домашних питомцев, некоторых и на улицу ни разу не выпускали.

«А! Мы все умрем», – смеялся над подчиненными администратор клиники первые два месяца, а потом уволился и, если не врал сослуживцы, продал квартиру и уехал из Москвы в Питер.

«Это очень нездоровая ситуация, Гранин», – говорил профессор, с которым Никита, внутренне замирая от собственной наглости, решил поделиться проблемой.

Странно, но после катастрофы, случившейся с Москвой, Никита совершенно забыл этого человека. А ведь сотрудничал с ним целых полгода. Будто корова языком слизнула часть воспоминаний. Он прекрасно помнил внимательный взгляд, поджатые бескровные губы и спокойный тембр голоса, но забыл имя и фамилию и даже то, кем был профессор в институте.

Никита хоть сейчас мог воспроизвести их разговоры и рассказать о проводимых исследованиях. Еще – что профессор обожал чай с малиновым джемом, но не более этого.

Время, оставшееся до катастрофы, Никита занимался статистикой. Он фиксировал все случаи мутаций, их количество, всплески и затишье, тщательно отмечал на карте адреса, выявлял районы «мутационных эпидемий». Когда он однажды увидел в новостях репортаж с Тимирязевской, где правоохранители накрыли подпольный склад артефактов, он от избытка чувств позвонил профессору с выкриком: «Я оказался прав!» А в ответ получил: «Именно благодаря твоим данным им и удалось, работай дальше».

Увы. Никого, как оказалось, не интересовали животные, а только деньги и эти чертовы выкидыши Зоны, артефакты, не столько приносящие пользу, сколько губящие все вокруг себя. Никита тогда запил на неделю. У него хватило мозгов вытребовать себе отпуск за свой счет, иначе скорее всего потерял бы работу. С вузом оказалось сложнее: пришлось на него забить. Благо, шла середина семестра, и на прогулы смотрели сквозь пальцы.

Когда в один из вечеров позвонил профессор, Никита наговорил ему много лишнего и обидного. В ответ получил: «Кошечки и собачки действительно не важны, людей спасать пора!» Кажется, профессор еще прибавил, что ненавидит альтруистов, а больше них – упертых идиотов, считающих, будто все обязаны жить в любви и гармонии со всем миром. Никита тогда послал его подальше, кажется, даже нецензурно, но пить перестал. Сотрудничать, впрочем, тоже.

Он по-прежнему собирал данные, составлял графики и отмечал на карте наиболее неблагополучные районы. Как и следовало ожидать, больше всего их оказалось в промышленных зонах, на территориях заводов, котельных и складов.

Наиболее серьезные очаги в районе Тушино и Тимирязевской уравнивала промзона возле Варшавского шоссе и территория ликвидированного завода АЗЛК на Волгоградском проспекте. Москву словно осаждали со всех сторон маленькие островки аномалий. Когда Никита задумывался над этим, ему становилось страшно.

Через месяц он решил уехать и обратился к риелтору для продажи квартиры в Москве и покупки чего-нибудь в Подмосковье с доплатой, но тот предложил грабительские условия. В другом агентстве Никита попал на какую-то совершенно неадекватную тетку, которая внезапно вознамерилась его совестить и упрекать: и квартиру-то бабушкину он продает, и деньги наверняка хочет на наркотики спустить, и будь ее воля, совершеннолетие в этой стране наступало бы в двадцать пять лет, и все были бы обязаны посещать воскресную школу.

Никита вылетел из ее кабинета весь пунцовый и, пожалуй, впервые осознал правоту профессора и его нелюбовь к альтруистам. Тетка ведь теряла выгодную сделку из-за желания наставить «юного бездаря» на путь истинный. Уже на лестнице его нагнал другой риелтор, который сказал, что тетка является близкой родственницей их шефа, тридцать лет просидела в опеке и попечительстве и получила профдеформацию на всю голову, и Никита даже согласился с ним работать. К тому моменту он однозначно решил свалить из Москвы подальше – идеально, если куда-нибудь на юг, где климат получше, а жизнь попроще.

Он не успел. За три недели до эвакуации ему позвонил профессор и сказал всего одну фразу: «Беги, пока можешь».

Никита до сих пор не понимал, почему эти слова произвели на него такое впечатление. Анализируя свое тогдашнее состояние, он называл звонок профессора не иначе как панической атакой. Если бы не трагические события, которые повлекло спешное бегство из Москвы, Никита был бы ему даже благодарен, но... теперь больше проклинал.

В тот день, когда он спешно уезжал, в столицу без предупреждения приехал его навесить родной брат в сопровождении двоюродной тетки (единственной оставшейся у них родственницы). Почему-то они остались в Москве, не покинули ее сразу, не обнаружив в ней Никиты. Возможно, звонили, но он умудрился потерять телефон. Во время эвакуации их тоже не оказалось.

Квартиру Никита все же продал – первому риелтору за смешные деньги, оформив сделку за один день (как показали дальнейшие события, не прогадал, мог остаться вообще без средств к существованию). Затем он осел в Красногорске, оттуда переехал в поселок Архангельское и, наконец, купил одноэтажный деревенский домишко в десяти минутах ходьбы от железнодорожной станции «Нахабино». Там его бегство наконец окончилось, словно некто невидимый приказал: «Хватит! Сюда не дойдет».

Месяц он прожил как в тумане. Сил хватало только на самые элементарные действия: походы в магазин и готовку еды. Ничего не хотелось, телевизор Никита не включал, да там и не говорили ничего конкретного, и в газетах не писали. Столица жила как привыкла: шумно, скандально, в бешеном ритме. Только Никите теперь виделась в нем попытка сбежать от чего-то страшного или даже пир во время чумы. Единственное, что его спасало в считанные дни до катастрофы и месяц после нее, – книги. Мужик, продавший ему дом, ими не интересовался, так и оставил гнить на чердаке. Вероятно, будь у Никиты компьютер или другие занятия, он тоже не обратил бы на них внимания, но жизнь повернулась к нему, скажем так, спиной, а если не кургузничать, то тем, что пониже поясницы, а затем еще и наклонилась. Работу он не нашел, да и не слишком стремился. По-хорошему, ему сильно требовался специалист-мозгоправ, но и к нему Никита, разумеется, обращаться не стал. В безопасности он чувствовал себя только в доме, запертом на все замки.

Книги пожелтели от времени и сырости, у некоторых обложки прогрызли мыши, несколько страниц были порваны. После завтрака Никита поднимался на чердак, брал их в руки, пробегал пальцами по изуродованным корешкам и принимался чинить. К обеду он спускался на кухню с приведенной в божеский вид книгой и читал ее до вечера, а если увлекался, то и всю ночь.

Раньше его не привлекало чтение. Тем более он никогда не стал бы читать чьи-нибудь мемуары, предпочтя что-нибудь полегче, или скачал бы фильм. Но сейчас его увлекал даже не сюжет и герои, а информация, атмосфера и детали той эпохи, к которой в начале двадцать первого века оказалось принято относиться либо с однозначным осуждением всего и вся, либо с романтическим флером. А ведь на самом деле это была всего лишь эпоха – такая же, как и многие другие.

У Никиты захватывало дух, когда он понимал, что прикоснулся к Клондайку. Ни в одной интернет-библиотеке он никогда не нашел бы ничего подобного. И вместе с тем ему становилось грустно, ведь никому в мире не были нужны ни эти книги, ни он сам.

Выздоровел он через полтора месяца. Проснувшись однажды утром, огляделся по сторонам и с ужасом понял, в кого превратился. Он всего-то перешагнул порог двадцатилетия, а бороду отрастил, словно восьмидесятилетний дед, благо хоть не седую и не слишком длинную (когда волосы доставали, брал старые садовые ножницы и отчекривал), зато чудовищной формы и ярко-рыжего цвета.

Помнится, когда взглянул на себя в зеркало, едва не впал в истерику. Ржал над собой и не мог остановиться. Темно-русая шапка на голове, в которую превратилась некогда модельная стрижка, с рыжей бородой и пшеничными усами не сочеталась совершенно. Трехцветный кот, как правило, в природе не встречающийся (если животное не больное с рождения), да и только.

Бриться оказалось невыносимо противно, на коже выступило раздражение, но Никита хотя бы начал себя узнавать. За сравнительно недолгое время он осунулся и похудел настолько, что теперь напоминал анатомическое пособие. Темно-карие глаза почему-то выцвели и поменяли оттенок. Пожалуй, Никита не мог сказать с точностью, какого они цвета: то ли каре-серые, то ли серо-карие. Разделение шло ровно посередине радужки. У зрачка оттенок оставался насыщенно-коричневым, потом шел круг более светлого коричневого – тоненький, словно контур, и далее – темно-серый, выцветающий к краю. Жуткий теперь у него был взгляд.

Затем Никита вошел в комнату и, мягко сказать, обалдел. Починенные книги ставить оказалось некуда, и он, отыскав в сарае несколько досок, сделал своеобразный стеллаж: криво, косо, неаккуратно, но для того, кто молотка в руках в жизни не держал, – неплохо. Так вот он оказался заполнен полностью. Перед Никитой возвышалась настоящая стена из книг, и самое забавное, он лишь теперь осознал, какую же колоссальную работу проделал.

Он долго смотрел, не решаясь подойти, попросту не веря своим глазам. Потом шагнул раз, другой, третий, провел пальцами по корешкам, словно заново знакомясь и понимая, что помнит все написанное в мельчайших подробностях и деталях, может даже цитировать. Как, почему – неизвестно. Энциклопедической памятью он раньше не обладал.

Стало обидно. Окажись здесь учебники по языкам, Никита стал бы полиглотом, захвати он с собой учебные материалы по биологии, смог бы заочно окончить институт и получить диплом. Увы. Знания, которыми он теперь обладал, не могли помочь в повседневной жизни. И все же это было настоящее сокровище: мысли, чувства, воспоминания, заблуждения и философия, на удивление часто расходящаяся с принятым за уши курсом тогдашней партии.

Вечером Никита впервые включил телевизор, тот ловил всего один канал, но и его оказалось более чем достаточно. Речь шла о недавней поголовной эвакуации из Москвы. Говорил какой-то пузатый чиновник, уверял, будто все идет по плану, паники нет, людей размещают в ближайшем Подмоскovie, и продлится подобное максимум два месяца, возможно, даже меньше, правительство Москвы делает все возможное, а группа МЧС приступила к ликвидации очагов опасности. Он говорил очень убедительно, да только Никита почти не слушал слова, а наблюдал за глазами чиновника, которые постоянно бежали из стороны в сторону. И у корреспондента специального выпуска новостей оказался такой же бегающий взгляд и изначально отрепетированные вопросы. Раньше Никита неминуемо им поверил бы, теперь – нет. Благодаря ли книгам или в нем что-то сломалось, но он очень остро начал воспринимать чужую ложь.

Итак, профессор тем звонком спас ему жизнь и черт его знает, что вытворил, но вызвал какую-то кратковременную психическую болезнь – Никита никогда не поверил бы в воз-

можность этого, если бы не пережил сам. Он очень хотел бы верить, будто сделано это было из благих побуждений, но предполагал прямо противоположное.

Как писали в старых советских детективах, он слишком много знал и теоретически мог оказаться опасен. Вот профессор и удалил его из Москвы самым простым для себя способом: без давления и угроз, вложив в мало что значащую фразу прямой приказ. Где-то Никита читал о похожем... ах да, у Александра Беляева.

«Властелин мира» Никиту потряс даже сквозь пелену неадекватности, в которой он находился, а поскольку ни фамилии, ни имени-отчества профессора он не помнил, то стал звать его не иначе как Штирнер. Именно этот герой романа создал установку, с помощью которой внушал людям нужные ему мысли.

«Если и далее следовать логике повествования, – размышлял Никита, – надо соорудить себе колпак из фольги и изображать нахабинского сумасшедшего».

Впрочем, заходить так далеко он все же не стал, а наоборот, продолжил приводить себя, а заодно и жилище в порядок.

В местном магазине его не узнали и едва не побили, приняв за беженца из Москвы. Купленная мужикам бутылка дешевой водки и названная по имени продавщица разрешили недоразумение. Местные решили, будто Никита вышел из продолжительного запоя, с пониманием отнеслись к его нежеланию пить и вылили на уши ведро информации.

Так Никита окончательно осознал, что Москвы больше нет, а есть некая огромная территория – Зона, она же Периметр, большая московская аномалия и еще с десятков названий того же рода, – вокруг которой спешно возводят стену, поскольку прет из бывшей столицы всякая чертовщина.

Впрочем, гораздо сильнее эфемерных и материальных созданий ада и всевозможных странных штук беспокоил местных неминуемый наплыв бывших москвичей. Как поступать с беженцами, они понятия не имели и по примеру коренных жителей столицы заикались про «Нахабино не резиновое».

Некоторое время Никита жил и неустанно удивлялся творящемуся вокруг безумию. Милое тихое Подмосковье менялось на глазах. Возле леса спешно выстраивали микрорайон с многоэтажными домами – якобы для беженцев, потом выяснилось, что не совсем для них, а для зажиточных москвичей, не потерявших все свое имущество и имеющих немалые сбережения. Потом строительство заморозили (видимо, состоятельные все же предпочли Нахабину города поинтереснее). Затем сменился подрядчик и принялся снова строить, но уже на деньги мэрии и не столь добротнo и качественно. Жизнь забила ключом, а Никита вдруг понял: скоро ему нанесут визит. Вот как проснулся утром, так его и осенило по этому поводу.

Озарение не повлекло страха и даже легкого беспокойства, бежать не захотелось уж точно. Скорее, понимание оказалось забавным и неожиданно навело на мысли о религии. Больно красивым казалось фантастическое допущение о существовании некой старой цивилизации, почти вымирающей, но далеко шагнувшей вперед в научном плане, обладающей машиной, способной передавать мысли на расстоянии и вкладывать в головы представителей менее развитой цивилизации. Ох, как красиво ложился этот сюжет на всевозможные вещие сны, пророчества, явления ангелов и беседы с божествами различных культур и рас.

Идея увлекла Никиту настолько, что он весь день проходил, смакуя ее и так, и эдак, поворачивал и рассматривал на просвет, словно капельку янтаря, вертел, будто кубик Рубика. Он поднялся на чердак, не обнаружил ни одной изуродованной книги, зато нашел стопку чистых тетрадей в двенадцать листов с гимном Советского Союза на задней обложке и огрызок простого карандаша.

До ночи Никита писал – то ли беспорядочно набрасывал приходящие в голову образы, то ли все же начал сочинять свой собственный роман. Действо захватило его столь сильно, что настойчивый стук по калитке он практически не услышал.

– Ну, здравствуй, альтруист, – сказал ему лысый мужик неопределенного возраста, когда Никита вышел на крыльцо. – Впустишь или выгонишь?

Никита, ничего не ответив, дошел до калитки, отворил ее и, развернувшись, пошел обратно в дом.

Глава 2

– Меня можно и нужно звать Дим, – сказал гость, переступив порог вслед за Никитой.

– Дим потому что Дмитрий? – спросил тот. На самом деле Никиту совершенно не интересовало настоящее имя пришедшего. Ему нравилась эта краткость, и вполне устраивало неформальное общение. Много хуже было бы обращаться к нему, например, Дмитрий Сигизмундович и на «вы».

– Дим – от «дым». Дым же – есть почти ничто, он виден недолго и быстро рассеивается, впрочем, это больше зависит от очага распространения пожара. – Гость улыбнулся. – А еще он просачивается во все щели. Не пугает?

Никита покачал головой, стащил кроссовки, не развязывая шнурков, и прошел в комнату, оставив тапочки для гостя. Тот усмехнулся и принялся переобуваться, для чего присел на корточки. Сделал он это очень легко, без старческой медлительности и неуверенности в своих действиях и движениях.

Рассматривая его из комнаты, Никита отмечал, что Дим находился в отличной форме, хотя ему никак не получалось предположить меньше пятидесяти. Никита нутром чувствовал: пришельцу немало лет. Однако наблюдения говорили об обратном, а внешне вообще не удавалось сказать ничего конкретного.

– Так ничего и не спросишь? – Дим прошел в комнату, остановился в дверях, окинул стену из книг взглядом и присвистнул: – Нехило тебя приложило.

– Зачем? – поинтересовался Никита. Голос звучал спокойно, без эмоций и волнения. Раньше Никита никогда не чувствовал такой легкости при общении с незнакомцами, а сейчас наслаждался звучанием речи – и чужой, и собственной. Он строил диалог, словно выписывал на бумаге, и, казалось, заранее знал ответы собеседника, даже способен изменить их, если бы пожелал.

Дим хмыкнул и спросил:

– А вдруг я бандит?

– Нет, – уверенно заявил Никита. – Вы хуже. Вас послал Штирнер.

Дим скрестил руки на груди, снова осмотрел стену с книгами и хмыкнул.

– «Властелин мира», значит... Беляев. А знаешь, подходит! Очень-очень сильно подходит. А ты у нас кто, следуя той же ассоциации? Зауер?

– Боже упаси!

– Уже лучше, гений. По крайней мере ты не сочтешь меня истинным воплощенным злом. – Дим подошел к книгам и провел по корешкам кончиками пальцев, словно лаская их. Движение не вызвало у Никиты иррациональной ревности, хотя он и ждал подобного чувства. Наоборот, Дим завоевал его симпатию этим жестом. – Как мне называть тебя?

– Ником будет уместнее всего.

– Ник потому что Никита? – рассмеялся Дим.

– От никнейма, который, как известно, может быть абсолютно любым.

Дим покачал головой и с довольством в голосе подытожил:

– Один-один.

– Что Штирнеру понадобилось от меня? – не стал поддерживать игру Никита.

Ему нравилась шуточная перепалка, и он чувствовал себя на удивление уверенно в обществе этого совершенно незнакомого человека, но расслабляться не спешил.

Дим принялся называть события и даты, но Никита только качал головой. Он не знал практически ничего из произошедшего в последнее время. Сказывались информационный голод и долгая вынужденная самоизоляция.

– Придется заняться тобой как следует, – сказал Дим.

Никита подумал, что подобное изречение с легкостью сошло бы за угрозу, однако ни настороженность, ни страх так и не возникли. То ли Дим оказался какой-то особенный, то ли Никита просто устал, а может, инстинктивно чувствовал своего.

Умение бояться обещало восстановиться со временем, но сейчас осознавалась лишь сама возможность опасности – Дим мог вытащить пистолет и застрелить его, забрать оставшиеся деньги и уйти или взять нож и зарезать, да даже просто ударить – но эмоциональной сферы это никак не затрагивало. Просто констатация факта, не более того. Никита понятия не имел, сколько еще будет так жить, но ему было комфортно и хорошо.

– Так что насчет Штирнера?

– Ничего. Он попросил приглядеть за одним альтруистом и не более того. Разумеется, с твоего на то разрешения и согласия.

Никита поджал губы и, скрестив руки за спиной, принялся ходить по комнате. Думать в движении ему всегда было легче и проще, сколько он себя помнил. Дим прошел к столу и сел, не спросив разрешения.

– И вы думаете, будто я поверю в подобную бескорыстность? В подарок от человека, который не склонен помогать просто так? – Ноги привели его на кухню, а руки свинтили крышку у бутылки с минеральной водой и опрокинули ее содержимое в чайник. Пить из местного колодца Никита опасался, как и многие городские, не доверяя природной очистке без вредной химии и хлорки (и да, он прекрасно осознавал глупость такой мнительности, но ничего поделать с собой не сумел).

– Я не советовал бы тебе быть столь категоричным в оценках. Лично я еще не встречал более благородного, самоотверженного и чистого помыслами человека, чем наш профессор, – заявил Дим. – Впрочем, от парня начала двадцать первого века я не жду ничего путного. От знатока века прошлого... – Он на некоторое время замолчал, а затем предложил: – Если тебе будет так проще, считай это благодарностью. Ты очень сильно помог. Не скажу, что хорошим людям, но помог однозначно и, более того, выжил там, где большинство сохло в первые же дни.

Никита промолчал и долго ничего не говорил, пока не закипел чайник. Действуя, как автомат, разорвал полиэтиленовую упаковку, открыл коробку и кинул в две кружки по пакету чая – малина, мята, лимон и апельсин, – в свою добавку кинул молотой корицы на острие ножа. Только спустя минуты три он вернулся в комнату. Дим за это время даже не изменил положения тела.

– Я так понимаю, вы хотели меня убить. У вас не вышло, и вот вы пришли... не знаю, присматривать за мной? Я прав?

– Неверный вывод, – ответил Дим. – Убивал ты себя самостоятельно, занимаясь мутантами в таком количестве. Про чернобыльскую Зону в курсе?

– Кто же нет? – вопросом на вопрос отозвался Никита.

– Так вот, в московской Зоне радиации однозначно нет, но пятнает она не меньше чернобыльской.

– Но хозяева...

– Имели дело с начинавшимся проявлением аномалии, – сказал Дим. – С одним! А какой коктейль подхватил ты – сам черт не разберет.

– А мои коллеги?..

– На нынешний момент мертвы все, кроме того мужика, который первым сообразил свалить из города. Вот он и выжил и чувствует себя помолодевшим лет на двадцать. Выглядит, кстати, соответственно. Почему – опять же черт знает. В больших количествах – яд, в малых – лекарство.

Никита отхлебнул чая и прикрыл глаза. По горлу прокатилось приятное тепло, упало в желудок и свернулось там пушистым котом. Он попытался вызвать из памяти образы коллег,

и те пришли очень яркие, с фотографической четкостью, но не привели за собой ни малейших эмоций. Никита сожалел об их смерти, но абсолютно так же он сочувствовал совершенно незнакомым людям – просто выражал отношение к скорбному факту ухода человека из жизни.

– Что касается твоей полезности, то ни я, ни... – Дим сделал небольшую паузу и хмыкнул, – Штирнер не думает использовать тебя в каком-нибудь центре, упаси боже отдавать в руки медиков. Ты неплохой аналитик, но станешь работать только тогда, когда решишь сам и будешь готов к этому. Собирать сведения, создавать базы данных, отмечать на карте очаги наибольшей активности – дело для тебя привычное. Московская Зона только развивается, она еще беззубый младенец, и при должной внимательности и везении в ней можно ходить свободно. Идиоты даже устраивают гонки на трассах города, представляешь?

– Когда это закончится? – невпопад спросил Никита.

– Если ты про Зону, то однозначно не скоро. Чернобылю по человеческим меркам очень даже немало лет, но в сравнении с тем же Бермудским треугольником – ничто, – сказал Дим и шумно отхлебнул из своей кружки. – Мнения ученых разделились. Большинство считает, будто Зоны возникли из-за антропогенного влияния. Однако есть и не согласные с этим – те, кто изучал проблему несколько десятков лет до ее возникновения и приложил свою руку к созданию карты аномалий по всему земному шару. Если взглянуть на нее, рисунок получается впечатляющий, но незаконченный. Сильно выбивалась европейская часть России и вот... вуаля, мы имеем Зону в Москве.

– Я не об этом, – прошептал Никита, тотчас встретив внимательный, направленный в переносицу взгляд.

– А я знаю, – сказал Дим, – но позволь уж договорить. Теперь узор выглядит более законченным, но все равно не до конца. И сдается мне, в наших силах сделать так, чтобы предотвратить рождение новых аномалий, нужно лишь понять как. Возможно, мы даже сумеем найти способ не только сдерживать, но и угнетать московскую Зону.

– Что там за узор? Три шестерки?

Дим поморщился.

– Нет, конечно же, и я всерьез советовал бы тебе отказаться от иудейской философской системы, из которой произошли христианские и исламские учения и, как следствие, сатанинские религиозные культы. Тот же буддизм забавней и не так уперт в догматику, я уж не говорю об индуизме и исконном язычестве. В догмах нет места творчеству, как и в любой строгой системе.

– Московская Зона произошла из-за трафика артефактов и складов на ее территории, – произнес Никита. – Каждый артефакт создает вокруг себя небольшое поле – маленькую аномалию. Когда их стало слишком много, возникла аномалия большая, вот и все! – Он сам не понимал, почему вдруг начал кричать. – Мы просто миновали точку невозвращения!

– Официальная версия, – довольно проговорил Дим. – А отчего не гробнулся Санкт-Петербург или Новосибирск, не говоря уже о Владивостоке? Трафик проходит через эти города, незаконного оборота артефактов никак не меньше, складов – тем более, а органы работают в разы хуже. Однако ни одного случая мутации животных в этих городах не зафиксировано – даже среди бездомных псин и крыс.

Никита прикусил губу.

– Правда, надо отметить, – Дим поскреб подбородок, – зверье подозрительно умнеет в последнее время. Собственными глазами видел, как ворон на асфальте мелом рисовал солнышко, причем очень так похоже на детский рисунок выходило.

– Ворон?..

– Замечательная птица во всех отношениях, обладает интеллектом минимум на уровне приматов и даже таким же коэффициентом соотношения мозга к телу, как у людей. Всеядна

и является долгожителем. А еще немаловажно то, что близость Зоны приводит сплошь к положительным мутациям.

– Вы что же, эксперименты на них проводили?

Дим прищурился:

– Если я признаюсь, выгонишь?

Никита подумал и отрицательно покачал головой.

– Вот и правильно, – одобрил Дим. – Мы и на людях проводили, как бы тебя это ни шокировало. И на дельфинах – тоже.

– Дельфинов-то за что?

– Интеллектуальное млекопитающее. Не столь и малочисленное число ученых ратует за признание их нечеловеческими разумными. Размер мозга в соотношении с размером тела гораздо больше, чем у шимпанзе, а поведение указывает на высокую степень умственного развития. Мозг взрослого дельфина весит около тысяча семьсот граммов, у человека на триста граммов меньше. У дельфина в два раза больше извилин в коре головного мозга, чем у человека, и «словарный запас» до четырнадцати тысяч звуковых сигналов. Прибавь к этому самосознание, «социальное сознание» и эмоциональное сочувствие. А вот артефактов они не переносят – никаких, даже тех, которые наша наука считает безвредными или полезными. Почему?

Никита прищурился и задумался. О дельфинах он знал не так уж и много.

– Предположим, аномалия – некий сдерживающий механизм, набор определенных вводимых, – сказал он. – Тем, кто до них не дотягивает, дает толчок к развитию, кто, наоборот, более развит – убивает.

Дим усмехнулся:

– Экзамен на скромность сдан. Ты признал, что «дышащая воздухом рыба» умнее тебя.

– Во всяком случае, дельфины приятнее шимпанзе, – заметил Никита.

– Возможно, кто-то с тобой и согласится... – протянул Дим, – но в общем и целом не сходится. Думай еще. Твои коллеги вряд ли были гениями, а ты – кретином. По крайней мере, будь так, профессор... Штирнер общался бы не с тобой, а с ними. Еще предположения?

– В таком случае среда обитания? Действие аномалии разнится в воздухе и воде?

– Тоже нет. Наш водолаз, подвергшийся воздействию «мультика», ощущал и реагировал абсолютно идентично что в бассейне, что в лаборатории. Еще идеи?

– И никакой панической атаки не существовало? – резко переменял тему Никита.

– Нет, ты сам устроил себе помутнение рассудка с последствиями, – с готовностью ответил Дим. – Возможно, тебе понадобилась перезагрузка. Еще более вероятно наполнение информацией – все равно какой, лишь бы в нужном объеме. – Он посмотрел на книги. – Сколько ты читал в день? Два-три тома?

– Один... не помню. Я не все время читал, еще и чинил.

– Потрясающе, – сказал Дим. – Положительная мутация в действии. Скорее всего, не наткнись ты на эти книжные залежи, получил бы инсульт с летальным исходом, а так... поздравляю, ты гений.

– Никому не нужный гений, – заметил Никита. – Изучи я с десятков языков программирования, мог бы реально приносить пользу, займись экономикой – обогатился бы, но быть в наше время литературоведом... – Он развел руками. – Более чем смешно.

– Я уже говорил, – напомнил Дим, – там, где существует система догм и дисциплина, стремящаяся к жесткой, а также контроль над знаниями и информацией с элементами экзамена, творческие процессы прекращаются. Всегда. Литературный институт в Москве пачками выпускал так называемых «специалистов», а читали тех, кому даже в голову не приходило получать специальное образование. Творчеству невозможно научить, только ремеслу, но ремесло, оторванное от чистого творчества, совершенно бесполезно. Я обрисовал тебе

проблему, и ты мгновенно выдал пару совершенно ни на чем, кроме фантазии, не основанных идей. Доктора наук сидели месяцами, прежде чем дойти до теории о средах.

Никита допил порядком остывший чай и отставил чашку.

– Допустим, я не соглашусь?

Дим пожал плечами.

– Уйду и больше не побеспокою, может быть, загляну через годик, но не факт. Уверен, ты найдешь свое место в жизни и без нашей чертовщины.

Никита забрал чашки и пошел на кухню – думать. Одному оставаться не хотелось. Вопреки словам Дима уверенности в собственных силах он не испытывал. Относительно «устроиться» – тоже. Больше всего его беспокоило: не вернется ли странная болезнь. Конечно, Дим вряд ли поможет, если снова прижмет, но хотя бы знает, как поступить, подкинет ему книги по необходимой тематике, в конце концов.

Он вышел из кухни приблизительно через четверть часа, перебив чашки не по одному разу и наконец-то отчистив засаленную сковородку, до которой вот уже неделю не доходили руки. Дима за столом не оказалось. Но если бы он вышел, то скрип петель Никита неминуемо услышал и хлопок – тоже. Или он слишком ушел в свои мысли?..

Никита метнулся к двери, и уже на половине дороги до калитки услышал насмешливое:

– Собрался-то куда?

Глава 3

Машина стояла на дороге, перегораживая путь не только другим возможным здесь участникам движения, но и прохожим. Старушки, совершавшие в это позднее утро вояж в ближайший сельмаг (маркетом вопреки наименованию одноэтажный магазинчик с узкими проходами меж стеллажей, в которых двое покупателей не всегда могли разминуться, называть не получалось при всем желании), вынужденно сходили на обочину и шли по траве. Трава эта из-за дождя, лившего всю ночь, была мокрой, грязной, а вдобавок – скользкой. Старушки, конечно, справлялись, иной раз демонстрируя искусство владения телом, которому любой канатоходец позавидовал бы, но и в долгу не оставались. Из двенадцати селянок, виденных Никитой, не отметила не умеющую ездить «собаку» только одна.

Девушка, сидевшая за рулем – по виду менеджер какой-нибудь фирмы, занимающейся перепродажами (любой нормальный человек уже плюнул бы и уехал, а то и огрызнулся бы в ответ, а эти привычны к посылкам), – неустанно извинялась и скалилась отбеленными зубами. Уезжать она не собиралась и выходить из машины – тоже, предпочитая говорить с Никитой через забор.

Занималась она пристройкой беженцев, бывших москвичей, как снег на голову упавших на головы местной администрации. Насколько законным делом она занималась – неизвестно. Ни условия жилья, ни еще какие-либо вопросы подобного рода ее не интересовали вообще.

При разговоре она зачем-то подносила руку в дорогой замшевой перчатке к груди и демонстрировала безвкусное колечко на указательном пальце из белого золота с якобы существующим в природе черным диамантом. Настроения старушкам это не прибавляло. Одна уже успела пройти и по самой девушке, и по «москалям», и по ситуации в стране.

Никита стоял на крыльце и кутался в зимнюю куртку: погода в последние дни не радовала ни солнцем, ни теплом. Ранние заморозки наступили уже в середине сентября, когда полагалось еще отгорать лету. Утром на траву ложился иней, а Гидрометцентр предрекал скорые снегопады.

Пожалуй, еще несколько месяцев назад Никита действительно вошел бы в положение девушки. Возможно, искренне захотел бы помочь ей. Уступил бы просто так, зная, что та обманывает. В конце концов, где-то в душе она вовсе не являлась плохим человеком, просто работа у нее препаршивая – впаривать. Ничего личного, только бизнес.

В прошлом она, вооружившись этой же улыбочкой и колечком, рекомендовала пылесосы стоимостью в десятки тысяч, в принципе не особенно отличавшиеся от китайских аналогов за полторы, или предлагала биологически активные добавки, демонстрируя безупречный белоснежный оскал и уверяя, будто не посещала дантиста начиная со среднего школьного возраста. Наверняка облапошила она многих. Теперь нашла себя на поприще подселения и добровольного уплотнения.

Пусть государство и строило в Подмоскovie социальное жилье, бесплатно поселяя в нем бывших москвичей, но многочисленные посредники и местная администрация делали все, чтобы отжать хотя бы одну квартирку в каждой новостройке. В результате москвичей кормили баснями про «ничего нет, но мы попробуем вас пристроить», а местных – уговорами из разряда «давайте эти люди у вас пока проживут, а мы вам дотаций подкинем и льготу на оплату коммуналки, ведь это ненадолго, вы ведь грамотные люди – газеты читаете и телевизор смотрите».

Все ее слова и ужимки казались Никите отвратно-фальшивыми. Он искренне сочувствовал привезенным девушкой беженцам, но и прекрасно понимал, что тех впаривали подобно пылесосу и даже хуже: лишь бы отделаться.

– Да как вы не понимаете! Люди же остались без крыши над головой! – в который раз попыталась она надавить на жалость, тотчас перейдя к упрекам: – Я понимаю, совесть и сочувствие сейчас не в чести, но должны же быть хотя бы понимание и активная гражданская позиция!

– Вы предлагаете остаться на улице мне? – поинтересовался Никита. – В доме всего две комнаты, пригодные под спальни, одна общая и кухня. В нем уже живут двое, и уплотнению жильцами он не подлежит, это уже будут антисанитарные условия. Кроме того, это моя частная собственность.

– Вы разве не слышали?! – Девушка даже руками всплеснула. – В Государственной Думе уже приняли закон о временной национализации необходимого жилья. Когда к вам поделят каких-нибудь бомжей, вы меня еще вспомните! Кроме того, это же не бесплатно. Администрация предоставит вам льготы и единовременную компенсацию.

– Вот пусть для начала ваш закон президент подпишет, а потом я уже буду думать, в том числе и где нанимать адвоката, – улыбнулся ей Никита.

– Но это же всего на пару месяцев, – с надрывом в голосе произнесла девушка и от переизбытка чувств дернула золотую цепочку на шее, та не выдержала подобного обращения и порвалась. Девушка на автомате ввинтила нецензурное выражение и, ойкнув, прикрыла рот ладонью. – Вы зря не смотрите новостей, – произнесла она как ни в чем не бывало. – Анонимный источник в кругах, близких к правительственным, сообщил о ликвидации аномалии в Юго-Западном районе. При таких темпах уже к Новому году москвичи вернутся в свои квартиры.

– А пока поживут в вашей: во-он в том новом микрорайончике. Сами-то беженцы в курсе, что вы решили отхватить у них вполне законное жилье, выстроенное на деньги из бюджета? – послышался голос Дима. Сам он остановился позади автомобиля и оперся на багажник. – А скажи мне, Ник, – обратился он к Никите, – что эта табуретка со знаком, сильно напоминающим женский половой орган, делает на нашей улочке? Более того, почему я пройти не могу?

– Ратуют за подселение, – в тон ему ответил Никита, стараясь сдержать улыбку: знак компании «Рено» Дим называл обычно гораздо менее прилично, а багажник нового «Логана» вполне мог использоваться в качестве дополнительного сиденья.

– Отойдите от моей машины! – вмиг растеряв все благодушие, потребовала девушка. – И немедленно извинитесь за сексизм!

– Представитель компании приедет, перед ним и извинюсь, – ответил Дим и снова обратился к Никите: – А за детей Африки барышня не ратует, нет? Ой, пардон. В начале прошлого века бесполое существа женского пола звались товарищами, а сейчас?

– Не знаю, – пожал плечами Никита, – в Америке они требуют обращаться к себе «сэр», но облигации не распространяют, не говоря уж про значки, увы.

– Тогда пусть будет барышня. «Сэр» для меня как-то слишком, – усмехнулся Дим и обратился к несколько спавшей с лица и побагровевшей девушке: – Не смею задерживать. Есть я предпочитаю в столовой, оперировать в операционной, а спать в спальне, причем один. А самое главное – не читаю советских газет. И советую убрать колымагу, за мной баба Нюра идет, а у нее клюка тяжелая, со стальным набалдашником.

– Ненормальный, – прошипела девушка, поворачивая ключ зажигания.

– А ну, стой! – донеслось из салона с заднего сиденья. – Это значит, и квартиры свободные в наличии есть, а ты нам здесь... – Но больше расслышать ничего не удалось. Автомобиль аккуратно, боясь скатиться с узкой полоски асфальта, покатиł вперед.

– Н-да... не знает народ классики, – произнес Дим, поднимаясь на крыльцо. – Нет, я понимаю, конечно: недостаток образованности, сплошное ЕГЭ головного мозга, но не узнать профессора Преображенского... его же даже экранизировали.

– Фильм ведь черно-белый, – пожал плечами Никита, с удовольствием оглядывая полную корзину опять и несколько крупных шляпок белых грибов.

– А, ну да, и без спецэффектов, – покивал Дим.

– Откуда ты узнал про квартиру?

– А я не знал, – усмехнулся Дим. – Угадал и попал в яблочко.

Никита отворил перед ним дверь и остановился, чтобы пропустить вперед.

– Нет-нет, идите первым, – немного изменившимся голосом и перейдя на «вы», сказал Дим.

– Только после вас, – включаясь в игру, заявил Никита.

– Идите первым.

– Не смею.

– Идите первым.

– Ни за что!

– Ну, это, знаете ли, просто банально. Нечто подобное уже описано в литературе.

Кстати, вы не помните кем? – Дим прищурился.

– А вы что же, меня проверяете? – фыркнул Никита.

– Помилуйте. Зачем мне вас проверять? Просто я сам не помню.

– Ну, Гоголем описано. В «Мертвых душах».

– Гоголем, стало быть? Неужто? Это вы, стало быть, эрудицию свою хотите показать?

Нашли перед кем похваться. Идите первым.

– Ни за какие коврижки!

– Пожалуйста, перестаньте спорить. Я не люблю, когда со мной спорят. Это, в конце концов, невежливо – спорить со старшими. Я, между прочим, вдвое старше вас, а то и... – Тут Дим запнулся и с досадой покачал головой.

– Вот потому-то только после вас и войду.

– Почему это «потому»? Вы что, хотите сказать, будто моложе меня? Какая неделикатность!

– Я младше. Младше.

– Что значит «младше»? По званию младше? И откуда в вас такое чинопочитание?! У нас все равны. Это я вам как старший говорю. А со старших надо брать пример.

– Так подайте же пример. Входите. А я уж за вами следом.

– Вот так вы, молодые, всегда поступаете. Следом да следом. А чтобы первым наследить – кишка тонка?!

После чего он с неожиданной ловкостью встал на одно колено и произнес театральным голосом:

– Сэр! Я вас уважаю.

Никита покосился на крыльцо, посильнее запахнул куртку, вспомнил, что на нем джинсовые бриджи, но если повторит подвиг, то аккуратно встанет на грязный мерзлый пол голыми коленями, и посмотрел на Дима. Тому было абсолютно наплевать, если бы он у двери даже разлегся: плотный бушлат, толстые штаны, сапоги до колен...

– Аркадий Райкин «Воспоминания», – вздохнув, проговорил Никита, заканчивая игру. – За некоторым исключением очень близко к тексту, входите.

– А кишка оказалась-таки тонка доиграть до конца, – заметил Дим и легко поднялся. – Ладно, так и быть, не будем смущать соседей.

– Выиграл, – констатировал Никита, входя последним и прикрывая за собой дверь. – Далеко тебе до Корнея Чуковского.

– А я разве стремлюсь, гений? Мне в отличие от тебя Зона память не дарила. – Дим фыркнул и потащил грибы на кухню, оставив Никиту в некотором замешательстве и осознании того, что выиграть-то он, возможно, и выиграл, но как-то нечестно. Тем более касательно

эрудиции и памяти на детали Дим если и уступал ему, то не слишком. Видимо, действительно сказывался уровень образования, или удивительная работоспособность, или нечто еще.

Когда он пришел на кухню и тоже занялся грибами, то спросил:

– А что она дала?

– Кто? Баба Нюра? – насмешливо уточнил Дим.

– Зона. – Никита вздохнул. – Ты же сказал: мне Зона подарила память. А тебе?

Дим медленно положил нож на край стола.

– Запомни раз и навсегда: если Зона дарит, то потом и забирает. Сторицей. Мне не давала, я сам взял. И, знаешь, не сказал бы, будто стал счастливее от этого. – Взгляд у него стал каким-то затуманенным. Наверное, Дим вспоминал, но Никита больше не хотел слушать. Он уже успел пожалеть, что вообще задал вопрос. В конце концов, это не его дело. – Зона никого и никогда не отпускает, даже тех, кто выгрыз себе свободу, а тех, кто думает, будто независим от нее, любит особенно. Думаешь, почему легендарные сталкеры почти все в нее ушли? Вот из-за нее – позвала.

– Дим... – позвал Никита.

– Из всех, кого я знаю, на плаву держатся от силы пятеро, но у них... не знаю, в мозгах что-то. Слишком любят жить и... себя, наверное. Эгоисту наплевать на окружение, окружающее, окружающих, он и в Зоне выживет, и где угодно. Эгоиста зацепить-то невозможно. И разочарований у них не наступает особо. Я знал одного, так его жизнь кидала так... другой руки давно опустил и спился бы, а он – нет.

– Но не просто же так в сталкеры подался? – Никита покачал головой. – По-моему никто, относящийся к себе хорошо, в Зону не сунется. Я достаточно видел и скажу со всей уверенностью...

– А у него выхода действительно не было. Если б на эксперимент не пошел, остался бы парализованным на всю жизнь.

Никита охнул.

– Зря сочувствуешь. Там жизнь и до Зоны над парнем поизмывалась, но он тоже достаточно сильно ее прогигал. Все честно: закон кармы.

– Бандит или авария какая-нибудь?

– Теракт. Случайно оказался не в том месте и не в то время. Результат – больничная койка и что-то странное с мозгами. В смысле тело в норме, мозговая деятельность – тоже, даже более того, парень на французском говорить стал, будто парижанин в четвертом поколении, хотя раньше, как говорится, только со словарем и лучше рот не открывать. А вот вместе тело и мозг не работали.

– И как же он?..

– К аудиокнигам пристрастился, заказал за границей компьютер с голосовым управлением. В жалость к себе он не ударился точно. Может, конечно, просто не осознал еще весь ужас ситуации, раньше познакомился со... Штирнером.

– И...

– Сейчас живет в роскоши, сталкерское имя себе придумал романтическое, даже мистическое. В Зону ходит, как к себе домой, вроде как от нее никак не зависит, да только не знаю... Он всегда одиночкой был, а тут напарника завел... необычного. Какой здравомыслящий человек живое воплощение Зоны с собой таскать будет, а? Ты или я – совсем другое, а там практически не человек. Значит, не миновало его зоное проклятье, просто зависимость у него не от Москвы.

– Может, он не из-за Зоны? – Никита вздохнул. – Просто... одиноко.

Дим пожал плечами.

– Может, конечно. Я никаких дел с ним не имею и иметь не собираюсь. Да он и сам не захочет. Он ведь, считай, из «птенцов» профессора Штирнера последний. И когда, так скажем, из установки выбрался, думал, всех положили, он лишь один и спасся. Не хочу я его тревожить, ни к чему это, хотя и приглядываю время от времени.

Дим снова взял нож. Никита дочистил гриб и задал вопрос, ответ на который хотел узнать порядком давно:

– Скажи, Дим, а я? Есть у меня шанс порвать со всем этим? Ну, я согласился с тобой работать, а если вдруг расхочу?

Дим покосился на него и фыркнул:

– Хоть завтра, только ты ведь не захочешь.

Никита вынужденно признал его правоту. Без Дима, их работы по сбору данных и слежения за Зоной он чувствовал бы себя нецелым, причем во всех смыслах этого слова. Работа давала ему цель, отгоняла пустоту, в которой Никита ощущал себя сколько себя помнил. Он не умел жить для себя и сильно завидовал неназванному легендарному сталкеру, о котором рассказывал Дим. Никите жизненно необходимо было приносить пользу, быть кому-то нужным, даже необходимым. Без этого он чувствовал себя словно висящим в вакууме: без твердой опоры под ногами, без понимания низа и верха, совершенно потерянным.

– Скажу больше: в Зону если ты и сунешься, то не дальше двух километров от стены. Это ясно?

– А я пойду в Зону? – неуверенно спросил Никита. Его пугала такая перспектива, но вместе с тем какая-то часть его замирала от восторга и ожидания. Он хотел в Москву, будто что-то тянуло его туда.

– Пойдешь, – с непонятым осуждением в голосе сказал Дим. – Во-первых, надо посмотреть, как ты будешь реагировать на аномалии, а во-вторых, все мои базы данных находятся именно в Москве, я обязан показать тебе схрон, подстраховаться на случай, если со мной случится что-нибудь летальное.

Никита вздрогнул. Спрашивать о возможной угрозе он счел несвоевременным.

Глава 4

Никита прятался за грудой наваленных бетонных блоков и каждые пять минут поглядывал на сканер. Подвижные аномалии в этом районе Москвы встречались редко, как та же хмарь, например, которую в сталкерских кругах давно переименовали в хмыря за привязчивый характер. Артефакты – тоже. Но, как говорилось, пусть редко, но метко они все же попадались.

«Пирамидка» внешне представляла собой объект вроде мыльного пузыря. Она имела похожую радужную оболочку, переливающуюся всеми цветами и оттенками спектра, только форму сохраняла не шарообразную, а конусообразную с квадратным основанием. Обычно она зависала в метре-полутора от земли и, что немаловажно, двигалась.

«Пирамидка» являлась нематериальным артефактом волновой природы – полем или областью, притягивающей мелкие частицы пыли и аэрозоли. Как правило, встречалась она в «иллюзе» – висела и воспринималась несчастными, пораженными аномалией, как галлюцинация, но сейчас отделилась от него и уже приблизилась метров на пять к Никите, чем сильно его раздражала.

Находись он в Зоне не один, он так не паниковал бы, но Дим в этот раз с ним не пошел и вообще настаивал на том, что настоящий легендарный сталкер – всегда одиночка. Откуда он взял, будто Никита способен стать этим легендарным, – песня отдельная, но факт оставался фактом.

«Только научившись доверять себе, сможешь обзавестись напарником, водить группу, да и вообще идти с кем бы то ни было», – повторял Дим, и Никите приходилось соглашаться. Благо, походы в Периметр оставались непродолжительными и на Никите сказывались сугубо положительно. Каждый раз, входя в Москву, он будто рождался заново: то ли так влиял адреналин в крови, то ли сама Зона.

«Пирамидка» снова сдвинулась, преодолела полшага и затормозила, покачиваясь из стороны в сторону. Никита стиснул зубы и подумал о том, чтобы поменять дислокацию. Артефакт, хоть и считался безвредным для человека, воздействовал на мозжечок, вызывал состояние опьянения и дезориентации в пространстве, а при длительном соприкосновении с ним – очень сильный сон или даже кому. Однако стоило вытащить человека из «пирамидки», и тот приходил в себя без каких-либо последствий для здоровья. Вот только кто ж Никиту вытаскивает, если он один?

Черный быкун, за которым он наблюдал вот уже с час, поднял голову и уставился в направлении блоков. То ли ветер изменился, и мутант уловил запах, то ли просто что-то почувствовал, а может, и шею размять решил. Никита на всякий случай спрятался за своей каменной грудой – следовало выждать время.

Черный быкун являлся грузным, сильным, выносливым, но на редкость тупым существом. Даже если он и заметил непрошеного наблюдателя, то постоит, впорившись в одну точку, минут с пять, да и забудет. Вот если бы на его месте был быкун серый, то Никите могло и не поздоровиться. Этот мутант просто так не отстал бы, а непременно пошел узнавать, что ему почудилось и действительно ли показалось.

Серые быкуны или сердяки – твари новые, в зоне ранее не обнаруживаемые. Внешне они немного напоминали быкунов черных, только лобная часть посolidнее. На конце длинного носа-хобота – кругляш пяточка. Глаза узкие, ушей нет, либо они находятся где-нибудь в неожиданном месте. Зато вместо них – закрученные, как у барана, рога. Еще сердяки не такие крупные и менее выносливые. Автоматной очередью свалить можно. Дим как-то умудрился завалить мутанта из лазерной винтовки с десяти выстрелов. Зато они не тупые. Во всяком случае, на месть вполне способные.

Никита лично видел, как выживший серый быкун преследовал сталкера, завалившего черного, «пасшегося» рядом. Конечно, вряд ли к мутантам применима человеческая психология, но более всего поведение сердяка со стороны напоминало именно вендетту. Причем действовала тварь умно: не перла напролом, а подкрадывалась, используя любые возможные укрытия, и, лишь основательно сократив дистанцию, атаковала в лоб.

Серых быкунов открыл именно Никита (чем втайне гордился). Обычно держались они вблизи черных собратьев (а может, это и были два разных вида, Никите пока не удавалась собрать достаточно материалов для полномасштабных исследований), но при этом в метро не спускались, бродили по окрестностям, устраивали лежбища на открытых огороженных местах вроде дворовых стадионов. Дим, сильно заинтересовавшись ими, попросил собрать как можно больше данных, вот и просиживал Никита теперь в Зоне часа по три-четыре, а иногда и по шесть, благо стена рядом, практически рукой потрогать можно.

Собственно, у него имелся полный карт-бланш на перемещения: и надземные, и подземные. На последних Дим даже настаивал и часто повторял, будто в метро передвигаться намного безопаснее: аномалий меньше, внимание не рассеивается, да и чувства в темноте обостряются. В сером же свете московского дня любой человек так или иначе ощущает себя в безопасности (и, разумеется, способен нарваться в разы быстрее и чаще).

Никита уже давно подозревал, будто Дим ищет в Москве что-то или даже кого-то, но на прямые вопросы тот предпочитал отшучиваться или отмалчиваться, а намеки отказывался понимать наотрез. Данные, приносимые Никитой, собирал и заносил в базу. Ноутбук с ней хранил в схроне, о котором Никита хоть и знал, самостоятельно добраться до него не решился бы. Оборудованный по всем правилам «против ядерной войны» бункер находился на станции «Новые Черемушки», а так далеко Никита пока не заходил. Его обычный маршрут пролегал в районе Ясенево, Теплого Стана, Коньково и Юго-Западной.

Про московскую живность Дим всегда расспрашивал все до мельчайших подробностей, фиксировал особенности поведения и снова гнал в Москву. Сам он почти безвылазно сидел в доме на станции «Нахабино» либо в «офисе» – небольшом подвальном помещении, которое недавно приобрел и превратил в неприступную крепость (одних степеней защиты установил три штуки).

За артефактами Дим ходил только сам. Редкие не брал, хотя... может, Никита просто не знал об этом. Ведь продавал же Дим какие-то находки через закрытый аукцион? Правда, это случалось редко. Основной доход он имел с продажи мелких артефактов вроде «тараканьей лапки» или «циркуля». Их Дим приносил часто, кому-то сбывал. Вырученных средств им обоим хватало с лихвой. Никите же прикасаться к артефактам, пусть даже к ним лишь руку протянуть достаточно, Дим запрещал наотрез, даже если бы они миллионы долларов стоили.

«Ты пойми, Никитушка, главное, – говорил он, – ты у нас человек нестабильный, множественным мутациям подвергшийся. В Зоне ты чувствуешь себя неплохо, но как скажется долгий контакт с каким-нибудь артефактом, нам ведь неизвестно. Ладно, если третья рука отрастет, а если нечто хуже? А оно нам нужно? Лично мне – если только для опытов».

Когда Никита вновь высунулся из укрытия, быкун стоял на прежнем месте и водил мордой из стороны в сторону, внимательно наблюдая за синеватым меховым облачком в виде хвоста. Существо (или аномалия – ученые так и не определились) звалось «котом Шредингера» и вело себя как типичный представитель породы кошачьих, то есть развлекалось.

Никита вздохнул. Собственно, на появлении этой твари наблюдение можно было сворачивать. «Кот Шредингера» – дрянь пристающая и вполне могла переключиться на него самого. Никита и в повседневной жизни к кошкам относился с прохладцей, а уж в Зоне – особенно. Тем более к таким «кошкам», которых ни отпугнуть, ни отвести каким-то образом, ни даже просто пристрелить не выходит.

– Зато тебе тоже не обломилось, – сказал он, обращаясь к «пирамидке», словно к живому существу. Голос прозвучал странно низко и самому Никите показался чужим, а «пирамидка», словно поняв человеческие слова, плавно поплыла обратно к «иллюзу», колыхаясь под напором неощутимого ветра.

До «дыры», как называли они с Димом тайную брешь в стене, Никита дошел без приключений. Если, конечно, не считать за таковое аномалию «круг огня», в которую он едва не угодил. Остановился почти у самой границы от ощущения, словно кто-то невидимый в грудь кулаком ткнул и за плечо придержал: может, горячим воздухом дунуло, а может, мутация о себе напомнила.

Дим утверждал, будто все сталкеры (не только легендарные, но и просто давно посещающие Периметр) рано или поздно начинают ощущать Зону – обретают нечто вроде восьмого чувства. У Никиты (как утверждал все тот же Дим) это восьмое чувство имелось изначально – возникло вместе с мутацией, – ему лишь следовало научиться пользоваться им.

На асфальте возле «дыры» валялся на боку «КамАЗ». Выглядел он новеньким – словно только-только с завода – и чистым, как после мойки. А вдобавок ко всему у него горели фары. Свет был белесым, если в кабину никто не лез, если же живущий в кабине хмырь съедал любопытного сталкера или неосторожного мутанта, освещение сменялось красным.

Сейчас все обещало быть спокойным, но Никита все равно выждал несколько минут, прежде чем нырнуть в проход. И уже там – в темноте, холоде и сырости – он услышал странный стук. В реальном, человеческом, мире он показался бы вполне обыденным. Так выстукивает дорогу слепой по асфальту своей тростью, бьет мальчишка пластиковым совочком по деревянной горке, цокает каблук с отвалившейся набойкой по плитке. Однако, расслышав его за спиной в давно потерянной для людей, захваченной Зоной Москве, Никита испугался до икоты.

Дим просил его соблюдать осторожность и никогда не вылезать из «дыры», не убедившись в том, что рядом никого нет. Какой там! Никита не просто выбрался, он вылетел из нее, как пробка из бутылки шампанского, если ту предварительно нагреть и потрясти.

Глава 5

Раздался громкий плеск, Никита провалился в лужу чуть ли не по щиколотку и зашипел, ругаясь сквозь зубы. Высокий полусапог армейского образца мог бы выдержать испытание и посерьезнее, но от разнесшегося по тоннелю звука Никиту передернуло. Он даже обернулся с четкой мыслью бежать обратно. Даже стало интересно, что сказал бы Дим, поступи он именно так.

Некоторое время Никита смотрел на черную дыру позади. Там тоже могло оказаться небезопасно, но внутренний голос буквально орал, что идти дальше – смерти подобно. Все лучше – только не вперед.

Никита сделал два неуверенных шага обратно, но потом мотнул головой и продолжил путь, коря себя на чем свет стоит. Как объяснить неожиданно завладевшую им паранойю – было неясно. Да, ему здесь не нравилось, но не до истерики же.

«Что со мной происходит, в конце концов? – думал он и не находил ответа. Пусть он никогда не обладал отвагой и излишним любопытством, но и трусом не являлся. – Нервы в последнее время ни к черту, раз в знакомое до мельчайших подробностей, изученное, словно второй дом, убежище я пробираюсь, будто на вражескую территорию».

Под убеждениями, размышлениями и обещаниями того, что все обойдется, страх припустился, но не отступил совсем, зато Никита наконец-то разозлился: на Дима, устроившего их логово в столь пугающем месте, на себя, на Зону, зачем-то захватившую Москву, и на жизнь вообще. Причем злиться на последнюю казалось глупее всего, поскольку ничего менять Никита не хотел – притерпелся. Да и устраивало его практически все.

Наконец он дошагал до металлической двери. Она гарантированно оказалась заперта, рядом жужжал исправный распознаватель отпечатков пальцев с коробочкой клавиш, подсвеченных красными и зелеными лампочками. Случись что-нибудь плохое, горела бы однотонная оранжевая подсветка.

Однажды их уже пытались взломать: какая-то местечковая банда – ничего неординарного, местная шелупонь, гопники. Самому старшему из них оказалось едва за двадцать. Наиболее молодой член банды только-только отпраздновал девятилетие. Они решили, будто за дверью скрывается офис, а в нем – немалые деньги. Прибежали с битами, погромили муляжи камер и распознаватель, но внутрь не проникли.

Конечно, убежищем мог заинтересоваться некто более умный и влиятельный, подговоривший малышню совершить налет, но на этот случай Дим разработал несколько планов эвакуации и обороны и уж точно дал бы Никите знать. Нет. Однозначно никто посторонний в убежище не проникал. Во всяком случае, через дверь.

На этой мысли Никита усмехнулся.

– А как еще? Не из унитаза же вылез, – проговорил он вслух и, постучав по двери, добавил: – Дим, это я, пока шел, всякие страшилки навывдумывал, не обращай внимания.

Ответом служила тишина, но она не настораживала. Дим терпеть не мог трепаться ни по телефону, ни по скайпу, ни по домофону, ни еще как-нибудь удаленно, вот в живую – сколько угодно.

Никита приложил к полоске сканера большой палец, набирая другой рукой комбинацию из шестнадцати цифр. Подтверждение отпечатка и код должны были поступить в компьютер одновременно, иначе попытка не засчитывалась, и приходилось ждать три минуты, прежде чем повторить.

– Все-таки ты чертов параноик, Дим, – прошептал Никита, гипнотизируя красную лампочку, подсвечивающую клавишу с изображением ключа. – Что не так? Вот что я снова не так сделал, а?

Словно вняв его словам, лампочка потухла. Раздался характерный щелчок – это открылся основной замок. Еще через пару секунд послышались более глухие звуки – отпирались вспомогательные запоры.

– Аллилуйя, – вздохнул Никита, открывая дверь и шагая через порог. Он хотел прибавить еще какую-нибудь фразу, подходящую случаю, но застыл, глядя на лежащее практически под ногами тело. В том, что Дим мертв, он не сомневался ни минуты: раненые люди, находящиеся без сознания, так же как и животные, не бывают настолько расслабленными, в них все равно присутствует жизнь, мышечный тонус, и только трупы более всего напоминают брошенных тряпичных кукол или мешки, набитые ватой.

Первые мгновения Никита ничего не чувствовал, потом в нос ударил отвратительный запах. Во время физической кончины все мышцы тела расслабляются, и те, о которых не принято упоминать, – тоже. Дим лежал ничком в луже собственной крови, кажущейся неестественно алой, слишком яркой, вызывающей, и в собственных же нечистотах.

Никита стоял столбом и не мог шагнуть ни вперед, ни назад. Его слишком потряс сам факт чужой смерти. Он даже не мог понять, убили ли Дима, или он умер сам. Если кровь, то убили, наверное, не мог же он так неудачно упасть на нож, да и не разбрасывали они по полу оружие и острые предметы. Но если все же имело место убийство, то как же преступник проник в убежище? Допустим, Дим самостоятельно впустил его, но он ведь должен был после этого запереть дверь...

На этом Никиту посетила мысль о том, что он совершенно не о том думает. Еще через мгновение – другая: размышляет как раз в верном направлении, ведь убийца вполне мог спрятаться здесь и ждать его прихода. Никита даже мог поклясться, будто слышал какой-то звук, который не нашлось времени опознать. Звук пугал его до чертиков. Краем глаза Никита уловил какую-то тень и в следующий момент уже обнаружил себя посреди тоннеля.

Он не мог вспомнить, как отступал, вывалился за порог, закрыл дверь за собой или оставил открытой нараспашку. Эхо звенело и грохотало в ушах, воздух царапал горло, ноги подгибались, но Никита не позволял себе останавливаться. Он все пытался понять в общем шуме, один ли бежит, или его кто-то преследует. Сделать это не выходило, а обернуться он попросту не решался.

А ведь он знал, предчувствовал, ощутил ту самую «чуйку», о которой не раз говорил Дим... Дим, чье тело валялось на полу расслабленной кучей плоти. Что ж он сам не предвидел-то!.. Чертов параноик, сапожник без сапог.

Никита выбежал во двор – самый обыкновенный и безлюдный, как назло, будто вымерший, – понесся вдоль длиннющей пятиэтажки, ища вход в арку. Арка продолжительностью от силы в десяток шагов вела на широкую улицу – не проспект, но машины проезжали по ней регулярно даже глухими ночами. Никита не особенно надеялся на помощь какого-нибудь случайного водителя, которому он кинется под колеса, но рассчитывал избавиться от преследователя, если он, конечно, еще не оставил попыток добраться до него.

«Все. Не могу больше, – подумал Никита через несколько секунд. Ноги уже не просто болели, а подкашивались, из горла вырывались хрипы, – сейчас собственные легкие выкашляю».

Тем не менее он продолжал бежать, пока не запнулся о неровность в асфальте и не растянулся во весь рост, до крови рассадив ладони и колени.

«По закону жанра я должен бы вывихнуть ногу, – снова подумал он, тотчас вскакивая, – и оглянуться».

С ногой оказалось все в порядке, но обернуться Никита все же себе позволил.

Двор по-прежнему оставался безлюдным. Совсем. Метрах в пятидесяти темнел вход в тоннель. Никита уже перевел дух, когда из него вышел человек в черной бесформенной хламиде. Обозвать одежду иначе просто не получалось. Она одновременно напоминала плащ

вроде тех, какие любят показывать в фильмах про якобы средневековые, походила на рясу священнослужителя и, что совершенно привело Никиту в замешательство, на пончо индейцев. Убийца вряд ли смог бы добраться до него быстро, но по позвоночнику пробежал холодок, а сердце екнуло и застыло где-то в левой пятке, несмотря на недавний быстрый бег.

Преступник смотрел прямо на него, стоял и сверлил тяжелым взглядом. Лицо его скрывала птичья маска наподобие тех, что носили лекари в Венеции во время разгула чумы: отдающая темным металлическим блеском, с узкими прорезями для глаз и вытянутым птичьим клювом. Убийца поднял руку и указал на Никиту скрюченным указательным пальцем.

«Он до меня не доберется», – промелькнуло в голове, но обуявший ужас оказался сильнее. Никита развернулся и побежал дальше, оглядываться он больше не собирался, задавшись единственной целью: отыскать эту чертову арку, покинуть наконец двор и не вспоминать о нем никогда.

Арка обнаружилась совершенно внезапно, просто стена дома вдруг оборвалась. Никита еще успел ей обрадоваться, по инерции шагая с тротуара под колеса въезжающего во двор автомобиля.

Удар получился не слишком сильным, Никита растянулся на капоте и некоторое время не мог прийти в себя. Смутно отметил, что налетел не на черный «Мерседес», а на родную полицейскую «Тойоту», за царапанье которой его хотя бы не поставят на счетчик.

«Какие дурацкие мысли лезут в голову», – успел подумать он, когда из автомобиля выскочили патрульные и, ловко скрутив ему руки за спиной, защелкнули наручники.

При попытке представиться Никита удостоился удара под дых и надолго замолчал в силу естественных причин – пробовал отдышаться. За это время его отлепили от капота и кинули на заднее сиденье, соблюдая абсолютную тишину. Называться полицейские не сочли нужным, из чего Никита заключил, что его похищают.

«Хотели бы, убили сразу», – решил он, мгновенно успокоившись.

В чистом и теплом салоне приятно пахло дорогим ароматизатором. Похитители не имели отношения к убившему Дима маньяку, а значит, в их обществе можно рассчитывать на какую-никакую безопасность. Относительно же их намерений Никита решил поразмышлять позже. Если людей хватают на улице ни с того ни с сего и везут в неизвестном направлении, кому-то они нужны, и рано или поздно получится узнать, зачем именно.

Велюровое сиденье неприятно терлось о щеку, Никита изловчился и сел, постаравшись не слишком облокачиваться на скованные за спиной руки. Водитель бросил на него острый взгляд через зеркало заднего вида, но ничего не сказал. Его напарник даже не обернулся. Похитители не думали, будто пленник в состоянии совершить какое-нибудь безумство вроде разбивания стекла и выпрыгивания из машины на полном ходу, и их совершенно не волновало, запомнит ли Никита дорогу. Хотели бы скрыть, засунули бы в багажник, в конце концов!

Полицейский, сидящий на пассажирском сиденье, включил радио, и Никита окончательно убедился: к правоохранительным органам похитители не имеют никакого отношения. Радиоволну не прерывал хрип радиостанций и сообщения диспетчера, никто не вызывал патрульных на связь.

– В Подольске девятнадцать часов. Новости, – произнесла ведущая поставленным музыкальным голосом.

«Тойота» выехала на Симферопольское шоссе и влилась в довольно плотный поток легковых автомобилей, мини-вэнов, микроавтобусов и фур. Водитель щелкнул тумблером, расположенным у коробки передач, включая сирену. Никита скривился, но благоразумно промолчал и уставился в окно.

Вначале он старался запоминать дорогу, отмечал в памяти дорожные указатели, потом плюнул и прикрыл глаза. Никита никогда не подумал бы, будто заснет в полнейшей неиз-

вестности, едва пережив сильнейшее потрясение, да вдобавок под вой полицейской сирены, но именно это и сделал. То, как водитель усмехнулся, бросив на него еще один пристальный взгляд в зеркало заднего вида, он уже не видел.

- Видать, совесть-то чиста, – тихо произнес тот, кто сидел на пассажирском сиденье.
- Либо он так считает, – ответил водитель.

Глава 6

– Прошу, Игорь Николаевич, – произнес Вронский красивым поставленным голосом и улыбнулся. – Я ждал вас никак не раньше девяти. Доброе утро.

– Утро у меня благодаря вашему начальнику началось в полшестого, – заметил Ворон, – и я со всем старанием и чаянием не могу назвать его добрым.

Вронский изобразил на лице гримасу искреннего сочувствия, Ворон тяжело вздохнул, глянул на потолок, обнаружил на нем трещину и вздохнул еще раз. Он не знал, какими правдами и неправдами Шувалов заманил на работу этого молодого человека одного возраста с Дэном и, судя по всему, в разы более амбициозного, но оно того стоило. Насколько Ворон помнил, Вронский приходился племянником кому-то из сотрудников и устроился в морг ради того, чтобы вжиться в образ перед съемками. Профессиональный актер, да еще и соответствующей внешности, которую принято называть модельной, и вновь здесь – в обычно пустующем морге Института Изучения Зоны, в просторечье ИИЗ, – нонсенс и анекдот одновременно.

– Я не думал встретить вас снова... м-м... Анатолий, если не ошибаюсь? – заметил Ворон.

Часы над второй, стеклянной дверью, за которой скрывался длинный узкий коридор, пробили семь. Ворон приехал в ИИЗ в такую рань с намерением разнести по камешку не только сам морг, но и основное здание. Ради разнообразия он даже собирался припомнить о том, что не является штатным сотрудником – всего лишь консультирует и выполняет разовые контракты. Однако кричать на Вронского не выходило совершенно. Мальчишка безупречно играл роль аристократа на службе и сносил любую грубость с улыбкой и смиренным выражением лица. Выглядеть хамоватой сволочью и грубияном в его присутствии у Ворона не получалось, а ведь обычно ему было плевать на мнение окружающих с Останкинской телебашни. Он невольно включался в навязываемую ему игру и получал от нее некое извращенное удовольствие.

– Если вас не затруднит, Игорь Николаевич, обращайтесь ко мне по фамилии, – попросил Вронский. В принципе Ворон так и делал обычно, но не выказать свое неудовольствие хотя бы в такой форме попросту не сумел.

– Только если вы, Анатолий, в свою очередь прекратите поминать все мое настоящее имя и вспомните принятое в этих стенах, – холодно и столь же вежливо парировал он и довольно усмехнулся. Один-один. Называть его сталкерской кличкой Вронский отчего-то не мог категорически и постоянно запинался, то ли пробуя вставить обращение «господин», то ли «сталкер». Первое выглядело по-дурацки, второе отдавало американизмом, нечто третье не подходило по определению.

– Хорошо... Ворон, – сказал Вронский, отступив, развернулся и прошел к стеклянной двери, – я провожу вас.

Закрывать входную дверь он предоставил гостю. Ворон усмехнулся, щелкнул задвижкой замка и поспешил догнать Вронского, который довольно быстро пошел по коридору в направлении холодильника и опередил его уже шагов на десять.

Серые стены, лампы холодного искусственного света, эхо, подхватывающее отзвуки шагов. Все морги, в которых бывал Ворон, оказывались похожими один на другой и одновременно – на декорации к средненькому фильму ужасов. Слишком чисто и стерильно здесь было, подчеркнуто искусственно и не живо, неправильно и словно уже не принадлежало реальному миру. Возможно, так и должно выглядеть место, имеющее прямое отношение к смерти, но мириться с этим не получалось и не хотелось.

– Ниши прорубили бы и цветы поставили бы, что ли, – пробормотал Ворон себе под нос. – В кадрах.

– Извините?

– Мысли вслух, – поморщился Ворон. – Господин Вронский, мне не хотелось бы показаться бестактным, но позвольте вопрос: вас выгнали с киностудии или из театра? Почему мы вновь встречаемся в месте, подобном этому?

– Здесь удивительно спокойно, – не оборачиваясь, произнес тот, – роли запоминаются в разы проще, к тому же работы не так уж много, я просто сижу за столом и встречаю гостей. Вчера привезли первое тело за три с половиной месяца.

– И как впечатления? Вы видели его?

– Странные. – Вронский пожал плечами. – Я ведь уже наблюдал убитых людей. Тех же белых сталкеров, помните?

– Разумеется. И?..

– Василий Семенович утверждал, будто убитый являлся сталкером-нелегалом, но он... не знаю, не походит на обычных ходоков в Зону... я не специалист, не технар и не медик, мне сложно объяснить.

– Попробуйте.

– Когда я увидел тело, у меня почему-то создалось впечатление, как у Гамлета при встрече с призраком отца.

Ворон криво усмехнулся и тотчас одернул себя, благо Вронский по-прежнему не обращался и не мог увидеть гримасы.

– Признаться, заинтриговали. За все время нашего знакомства я впервые слышу от вас столь эмоциональный ответ.

– Не принимайте мои слова слишком серьезно. Вы вполне можете посчитать случай заурядным, – губы Вронского украсила тонкая улыбка, – тем более ничего особенного в методе убийства нет. Я актер и привык изъясняться образно, только и всего, а здесь и вовсе исполняю роль привратника, встречающего посетителей, вне зависимости от того, к какому миру они принадлежат.

– Да-да, – покивал Ворон, – иной раз очень нервных посетителей вроде меня. У Василия Семеновича кишка тонка встретиться со мной самому?

– Он ждет в зале.

Шувалов действительно оказался там: сидел за столом Вронского и прихлебывал чай из большой красной кружки с надписью «Босс». В окружении разнообразных оттенков серого кружка смотрелась вызывающе ярко. Кроме толстой серебристой папки, сдвинутой на угол, и настольной лампы стального цвета на подвижной ножке-штативе, столешница была пуста и практически хирургически чиста, не считая того места, куда Шувалов ставил свою кружку.

Когда Вронский увидел круглые чайные потеки, то побледнел и застыл, глотнув воздух ртом. Ворон мысленно рассмеялся, почувствовав себя почти отомщенным.

– Игорь, здравствуй, я уже час тебя жду. – Шувалов поднялся со стула и протянул широкую ладонь.

Рукопожатие показалось Ворону слегка неуверенным, но он не стал заострять на этом внимания: в конце концов, он скоро все узнает.

– Пойдем, все сам увидишь, – сказал Шувалов и, вернувшись к столу, забрал с собой кружку.

Стоило ему отойти, Вронский немедленно бросился на свое место, достал из верхнего ящика упаковку влажных салфеток и занялся приведением столешницы в идеальное состояние.

– Эх, молодость-молодость, – сказал Шувалов, бросая на Вронского ехидный взгляд. – Извини за ранний звонок.

– Это зависит от повода, – отстраненно заметил Ворон. – Даже не представляю, что почувствовал бы, если б не обнаружил вас здесь.

Он вовсе не рассчитывал напугать, холодно-вежливый тон выбрал скорее по инерции, нежели намеренно, но Шувалов посмотрел удивленно и заметно напрягся.

– Я сильно извиняюсь за ранний звонок, – повторил он, – но уверен, когда ты узнаешь причину, то сразу поймешь мое состояние. Я почти не спал!

– Взаимно. Я лег в три, – сказал Ворон, все же выходя из себя. – И теперь весь внимание. Что за переполох и какого черта я не мог взять с собой Дениса?

Он терпеть не мог разбитого сна. Сколько Ворон себя помнил, ему проще было не ложиться вовсе, нежели, как советовали особо умные добродоты, прилечь минуточек на тридцать, а затем встать совсем другим человеком. У «совсем другого человека» раскалывалась голова каждый раз, когда он не отводил сну минимум четыре-пять часов в сутки, и сейчас его состояние не казалось лучше, несмотря на три таблетки анальгина.

Шувалов тем не менее выдохнул с облегчением: видимо, возмущенный Ворон был ему более понятен и привычен, чем разводящий политесы.

– К Денису я всегда относился и отношусь хорошо, ты ведь знаешь, – сказал он. – Но, уверен, ты сам не захотел бы вводить его в курс дела, по крайней мере пока.

– Уже интереснее.

– Ты знаешь об убийствах сталкеров?

– Конечно. В том числе вы, Василий Семенович, прожужжали мне все уши. – Ворон поморщился.

Сам по себе факт уменьшения числа сталкеров его не беспокоил. Действительно выдающихся представителей этой братии набралось бы человек двадцать от силы, а легендарных, к которым относился и сам Ворон, – единицы. Остальные же представляли собой обыкновенное «мясо» (на войне прибавляли «пушечное», Ворон предпочитал определение «зонное»). Да и выдающимися личными качествами рядовые ходоки в Периметр не обладали: бывшие гопники и бандитская шелупонь, решившая по-быстрому срубить бабла на артефактах. Этих не только было не жаль, Ворон с удовольствием пожал бы руку «санитарам Зоны», избавляющим Москву от этих деятелей.

Конечно, имелись и другие, но в гораздо меньшем проценте: романтические идиоты, например, или бывшие военные, москвичи, не нашедшие себе места и пошедшие в сталкерский бизнес не от хорошей жизни. Тот же Николай Дмитриев, сын известного олигарха Олега Дмитриева, являлся классическим идейным дурнем, потащившимся в Зону поглядеть на «филиал Преисподней на Земле».

Те, кто избрал своим ремеслом хождение в Периметр и обратно, балансировали на лезвии бритвы. Разборки между кланами являлись обычным делом, особенно сейчас, когда правительство увеличило надзор за московской Зоной в разы.

В прошлом войны кланов выливались в вооруженные конфликты на улицах подмосковных городов, но, к счастью, быстро сошли на нет. В феврале полиция обезвредила Пашку Миллионера, курировавшего клан «Резина», занимающийся поставками «ведьмино студня», и арестовала почти всех сталкеров, входящих в бандитскую группу «Зародыш», пытавшихся отжать этот бизнес.

При невозможности ведения открытого противостояния вне Периметра самые одиозные из лидеров и собранные ими кланы взялись за войну скрытую: компроматов и заказных убийств. Однако то, что происходило в последние месяцы, не походило на обычные разборки. Убивали всех без разбора: входящих в мирные кланы, одиночек, даже тех, кто работал на исследовательские центры, курируемые Центром Аномальных Явлений.

Шувалов выпросил у ЦАЯ дополнительное финансирование и организовал аналитический отдел, занимающийся только убийствами сталкеров по всему Подмоскovie. Он поднатурился и выделил деньги на ремонт одного из корпусов, стоявшего на отшибе у забора и никак не использовавшегося (причем в рекордный срок). Корпус превратили во что-то вроде гостиницы, куда временно переселяли работавших на ИИЗ сталкеров.

Шувалов не хотел терять людей, и Ворон прекрасно понимал его, однако сам переезжать отказался наотрез и постоянно шутил на тему того, что убийце теперь не придется искать жертв поодиночке. Зачем, если достаточно будет проникнуть на территорию, подорвав забор или сделав подкоп, дойти до гостиничного корпуса и устроить «Техасскую резню бензопилой» в условиях российского городка Пущино?

В каждой шутке, как известно, находится изрядная доля правды. Ворону казалось, будто зверскими убийствами занимается какой-то на голову больной маньяк, задавшийся целью истребить сталкеров как вид (учитывая идейную политику некоторых не шибко умных политиканов, странно, что такой псих не появился раньше). Ворон не хотел, но, пару раз высказав подобную идею, подтолкнул Шувалова к действиям. Увы, все психологи, к которым тот обращался за консультацией, повторяли одно и то же, исключая саму возможность появления подобного человека.

«Все маньяки падки на внимание, – говорил какой-то деятель, снисходительно смотревший на Шувалова и присутствовавшего во время разговора Ворона. – Если бы зверства устраивал такой человек, он непременно оставлял бы на месте преступления какую-нибудь характерную деталь: вещь или надпись, или убивал одним способом. Более того, большинство маньяков одержимы идеей своей богоизбранности, если угодно».

«И в конце концов, ему пришлось бы быть одновременно в трех разных местах, – поддакивал некий полицейский чин, специально прибывший в ИИЗ. – Нет уж, господа ученые, занимайтесь своим делом, а к нам не лезьте».

Шувалов и так занимался, а оставить убийства без внимания просто не мог, поэтому Ворон и ездил в институт гораздо чаще, чем в собственный офис в Серпухове, и даже не особенно выказывал неудовольствие по этому поводу (если, конечно, его не будили посреди ночи).

– Василий Семенович, а этого убитого вы какими правдами-неправдами заполучили? – поинтересовался он словно между делом. – Позвольте напомнить, что взятки лицам при исполнении обычно караются иными лицами при еще большем исполнении.

– Тс-с, не здесь, – шикнул на него Шувалов и, ухватив за рукав куртки, потащил к выдвижным ящикам, в которых лежали тела, вернее, тело – всего одно за три с половиной месяца.

Глава 7

Ворон считал Вронского немного не от мира сего, если не откровенно странным типом, но свои впечатления тот передал очень верно: именно призрак, пришедший из прошлого. Очень далекого прошлого, о котором Ворон пытался забыть.

– Сон в руку, – прошипел он сквозь зубы. – Однозначно пора допытываться у Дениса, как он справляется со своими демонами.

– Игорь, что ты там шепчешь?

– Ничего, Василий Семенович, просто смотрю.

Поначалу убитый сталкер не вызвал никаких воспоминаний. Это был крепкий мужчина на вид лет пятидесяти, лысый, плотный, но без пуза или другого жирового уродства. Убийца нанес ему глубокую узкую рану в область сердца. Ворон не брался утверждать, чем именно, но лично ему упорно представлялся кинжал или даже короткий меч. Вряд ли преступник открыто расхаживал с таким по городу, скорее всего маскировал.

– Надо опросить жителей, не замечали ли они странно одетых незнакомцев в последнее время, – заметил он.

– Например?

– Попа в рясе.

Шувалов вздохнул, кивнул, но возражений не высказал. Руководитель ИИЗ являлся человеком науки, но к почитателям религиозных культов относился с пониманием. Ворон тоже не имел ничего против конкретных людей, но против системы в целом и некоторых ее ярких представителей всегда высказывался очень жестко.

– Посмотрите на рану, Василий Семенович. Его закололи, – пояснил он. – Оружие должно быть тонким, острым и достаточно длинным. А еще вы мне скормили сводку со многими похожими смертями сталкеров.

– Ах вот о чем ты...

Ворон фыркнул.

– Именно, а вы о чем подумали? Впрочем, не отвечайте. Я полагаю, человек с длинным узким свертком в руках, скорее, привлечет к себе внимание, нежели потеряется в толпе.

– Почему?

– Киношампы. Если некий персонаж появляется в кадре с подобным свертком, он – наемный убийца. Однако не в тубусе же наш маньяк таскает шпагу и не на виду у общественности. Под одеждой ее так просто не скроешь, даже под длинным плащом или пальто.

– Почему?

– Мода. Длинное нынче не в почете, неужели не замечали? А человек, который нетипично одет, опять же привлекает внимание.

Шувалов покачал головой.

– В таком случае просто приглядитесь, в чем ходят ваши сотрудники, – посоветовал Ворон. – Еще немаловажный факт: отсутствие интереса у представительниц противоположного пола. Женщины, как правило, замечают детали значительно лучше мужчин, а именно этого маньяку и не нужно.

– В православии, к твоему сведению, поголовного целибата нет.

– Прекратите. – Ворон поморщился. – Ну, имеют право священники жениться, и что? Нормальная современная женщина с мозгами вряд ли в восторге от перспективы сидеть дома, вести хозяйство и рожать, пока у мужа не иссякнет потенция, поскольку противозачаточные – это грех. А те, кого привлекает подобный домострой, станут смотреть на лицо, но никак не ниже пояса.

– Ох, Игорь... – снова покачал головой Шувалов.

Определенные вопросы вызывали мелкие царапины на лице и руках убитого.

– У него была кошка?

– М-м?.. – Шувалов оторвался от разглядывания раны, на которую указал Ворон.

– Вот эти царапины.

– Эм-м... Нет, по крайней мере мне неизвестно. Нужно съездить на место.

Ворон приподнял бровь и чуть наклонил голову к плечу.

– Нужно съездить?.. – протянул он. – Извините, Василий Семенович, но у меня назрел еще один не слишком вежливый вопрос: полицейские, занимающиеся расследованием данного убийства, вообще в курсе, что мы собираемся лезть на место преступления?

Шувалов вздохнул.

– Видишь ли, Игорь, – сказал он после неловкой паузы, – для тебя не секрет, я начал параллельное расследование.

– И руководство ЦАЯ вас покрывает, не понимаю только почему.

– Видимо, все дело в том, что ситуация действительно скверная.

– С моей точки зрения это не оправдание. Продолжайте.

– Нам повезло: в данный момент в Периметре спокойно. А ну как случится нечто, выходящее из рамок? Эмионики полезут или живность какая-нибудь? Мы ведь можем остаться совсем без ресурсов. На все группы тебя и Дэна не хватит, да ты и откажешься работать на постоянной основе.

– Разумеется, – кивнул Ворон. – У меня свой бизнес и какая-никакая, но личная жизнь. А живность не полезет. Мутанты вне Периметра жить не могут, и вы об этом знаете лучше меня. С эмиониками дело обстоит сложнее. Денис говорит, они не только его не беспокоят, а наглухо закрылись телепатически. Сидят в высотках Москва-Сити и в город почти не выбирают.

– Вот! Вдруг замышляют...

– Вряд ли, Денис знал бы, – неуверенно проговорил Ворон. – Так что с телом и преступлением?

– Наши люди добрались первыми и до места, и до тела, и до напарника этого тела.

Настало время молчать Ворону. Дара речи он не лишился, но слова, приходившие на ум по поводу услышанного, при всем желании не получалось облечь в цензурную форму.

– Вы, Василий Семенович... с ума сошли? – все же кое-как сформулировал он.

– А ты точно хотел бы, чтобы полицейские эксперты выяснили...

Ворон раздраженно качнул головой. До этого момента он рассматривал убитого вскользь, не заостряя внимания на деталях. Сейчас же, находясь в замешательстве, он уставился на его правое плечо. В первые секунды он еще не осознал, что именно увидел, зато потом удивлению его не было предела.

– Лучше помолчите, ваши отговорки я и так все наперед знаю. В конце концов, глупость вы уже сотворили и меня втравили, – прошипел он. – Скажите... вот эта татуировка, вы проверяли?..

– Я тоже думал, будто рисунок может вывести на организацию или клан, но увы, – сказал Шувалов. – Ничего подобного ни в Москве, ни в Чернобыле не отыскалось, не говоря уже про зону обыденную и всем известную. Ложный след. Наверное, убитый нанес рисунок для красоты.

Кажется, Шувалов искренне обрадовался перемене темы. Он наверняка ждал споров и недовольства. Ворон готов был устроить ему выволочку, не посмотрев ни на чин, ни на возраст и занимаемое положение, но сейчас его интересовало другое. На плече убитого сталкера оказался изображен меч и оплетающая его лоза. Все бы ничего, Ворон мог назвать с ходу несколько салонов, способных сделать подобный рисунок, но не такой.

Татуировка изменяла цвет в зависимости от угла попадания на нее света, словно голограмма. Во всяком случае, Ворон слышал, будто работала она по тому же принципу, только не представлял технологии ее нанесения. Подобного отличительного знака удостаивались немногочисленные члены очень серьезной организации «Рыцари Зоны». Возможно, случись все по-другому, на его плече оказалась бы точно такая же, хотя Ворон и терпеть не мог сборищ подобного рода.

Все время, что он пытался прийти в себя от неожиданного «привета» из прошлого, Шувалов говорил.

– Самое удивительное, о такой технологии неизвестно тем, кто непосредственно оказывает подобные услуги, – тараторил он. – Но, главное, сейчас нет ни одного клана, чьей эмблемой выступал бы меч. Лозу тоже никто не использует. Я уже обратился к специалистам по геральдике, цветовая гамма в данном вопросе весьма важна и... Игорь, ты слушаешь?

– Я слушаю, но, мне кажется, вы пытаетесь увести разговор в сторону, – ответил Ворон. – Как вы выпутаетесь из этой истории, Василий Семенович?

– Все, касающееся московской Зоны, находится в нашей компетенции, – сказал Шувалов. – Когда мы докажем...

– Слово «если» здесь будет намного уместнее, – перебил Ворон и поморщился. Он прекрасно понимал: доказательства зависели прежде всего именно от его умения их отыскать. Лезть же в это дело теперь не хотелось совершенно. Если бы он мог, то сейчас же покинул морг и забыл об убитом «рыцаре», как о ночном кошмаре.

– Я уверен.

Ворон был вынужден признать: чутье у начальника ИИЗ работало неплохо. Созданная еще в начале двадцатого века организация, взявшая оплетенный лозой меч в качестве эмблемы, после двадцать шестого апреля тысяча девятьсот восемьдесят шестого года обрела свое второе рождение. Ее основное направление деятельности напрямую относилось к Зоне отчуждения. Могли ли «рыцари» иметь свой интерес в новой московской аномалии? Да наверняка.

До сегодняшней «встречи» Ворон был уверен: и сам профессор Сестринский, и все его «птенцы» погибли во время зачистки лаборатории. Теперь же он опасался и предвидел встречу с ними: в Периметре или вне его пределов.

– Вы – уверены. Я... допустим, тоже уверен, – сказал он, – но это далеко не доказательство. А если их нет? Так и будем сидеть со своей уверенностью? Допустим, вы привлечете к делу лучших специалистов. Что говорят в ЦАЯ?

Шувалов пожал плечами:

– В случае провала я уйду на пенсию, и тебе придется находить общий язык с новым руководством. – Шувалов наигранно рассмеялся, но Ворон шутку не поддержал.

– Вряд ли я стану это делать, скорее, сверну собственную благотворительную деятельность. Я не работаю на правительство или ЦАЯ, я всего лишь консультант в ИИЗ и совсем немного – сталкер.

Он подумал, почему же Шувалов попросил не брать в морг Дениса, к тому же мотивируя это нежелательным раскрытием информации. Откуда он мог узнать, будто убитый связан со сталкером Вороном, вернее, Игорем Ветровым?

Шувалову неоткуда брать данные ни о Сестринском, ни об организации. «Рыцари» тщательным образом подчищали за собой. Ими практиковалось уничтожение любых общедоступных документов вплоть до чеков закупки канцтоваров. Если существовал компромат, он хранился слишком далеко и высоко. Даже во времена расцвета организации о «Рыцарях Зоны» знали лишь те, кто непосредственно имел с ними дело.

Когда-то Ворон согласился участвовать в очень опасном эксперименте, отправившим в мир иной слишком многих, и выжил. Вряд ли после такого его отпустили бы, но на завер-

шающей стадии в лабораторию ворвались боевики. Они громили компьютеры, убивали ученых, Ворон спасся лишь потому, что находился в изолированной камере, куда не могли проникнуть извне. Напавшие скорее всего не знали о его присутствии. Впрочем, до уничтожения системы жизнеобеспечения они додумались.

– Почему вы вызвали именно меня, да еще в такой строжайшей тайне? – прямо спросил Ворон, приструнив разыгравшееся воображение. Хотелось надеяться, что давнее сотрудничество предполагало некое подобие доверительных отношений между ним и руководителем ИИЗ. Если же нет, он всегда сумеет развернуться и уйти.

Шувалов сказал, что он сам не захочет вводить Дениса в курс дела. Означало ли это...

– Лежащему перед тобой мужчине более ста лет.

– Что?.. – Ворон не понял, с какой интонацией сам же задал вопрос. Он лишь надеялся, будто в голосе не проскользнет слишком уж явственно слышащееся облегчение.

Шувалов часто говорил, что при том образе жизни, что вел Ворон, выглядеть тот должен никак не на тридцать пять. Косвенно это подтверждалось примерами на практике, но никто и никогда не задавался целью вести статистику и проверять, насколько интенсивно изнашивают организм походы в Зону, пьянство и недостаток сна.

Ворон привык отшучиваться хорошей генетикой и консервацией себя алкоголем. Он предполагал, что через десяток-другой лет ему придется исчезнуть, возможно, подстроив собственную гибель, и перебраться на время на другой континент, пока о нем не забудут здесь. Потом он вернется, и даже под той же самой сталкерской кличкой, слишком подходящей ему, вросшей в самое сердце и передающей суть, как никакая другая. Однако вопросы начали мучить Шувалова уже сейчас, а уж с обнаружением тела столетнего старца, выглядящего на пятьдесят, подстегнули любопытство.

– Перед нами Дымов Дмитрий Дмитриевич одна тысяча девятьсот десятого года рождения. Биолог, работал с Владимиром Ивановичем Вернадским, репрессирован в тридцать четвертом году. Якобы умер в лагере в тридцать девятом, – сказал Шувалов.

– Ошибка?

– Ты понимаешь, в каких стенах говоришь об ошибке? – оскорбился Шувалов. – Не в этом случае, Игорь.

– Хорошо. – Ворон повел плечом. – А я тут каким боком?

– Но так...

– А завидовать нехорошо, – заметил Ворон и, достав мобильный телефон, отошел в тот единственный угол комнаты, где имелась сеть.

Некоторое время он слушал длинные гудки, затем – невнятный ответ.

– С добрым утром. Разбудил?

В ответ недовольно буркнули. Ворон рассмеялся:

– Приятно. Не одному же мне мучиться.

Шувалов покачал головой. Ворон этого не заметил, но словно в ответ на его жест сказал:

– Да, вот такая я сволочь, чем и горжусь. Через полчаса будь в ИИЗ, есть дело. Ах да, закажи пиццу. Мне – маринару, себе – какую угодно. За счет Василия Семеновича, разумеется. И много кофе!

– У нас в коридоре поставили новый кофейный аппарат, – заметил Шувалов, когда Ворон дал отбой и убрал телефон в чехол на пояс.

– И им я тоже обязательно воспользуюсь.

Глава 8

Относительно Дымова Дмитрия Дмитриевича отправили запросы куда только можно, но надежд на получение дополнительной информации Ворон не питал. Если где в архиве и сохранились какие-то бумаги, их могли попросту не найти, не говоря уж о том, что Сестринский удачно заметал следы – и свои, и соратников.

За словом «репрессирован» скрывалось начало работы на секретном объекте. В тридцать девятом Дымов, должно быть, полностью оправдал возложенные на него надежды и исчез для всех, посвятив всего себя работе.

Как относиться к такому положению дел, Ворон и сам не знал. С одной стороны, он радовался, ведь от сохранения тайны Сестринского напрямую зависела его собственная безопасность. С другой – остановить маньяка все же следовало. Убийство Дымова сильно смахивало на «след».

Ворон не мог сказать, видел ли этого человека, когда попал в лабораторию. В сущности, к нему приходили только отец и врачи. Самого Сестринского он видел всего раза четыре, не больше. Уже тогда он выглядел сухоньким седым старичком, которому перевалило за сотню, гений – божий одуванчик.

В первую их встречу Сестринский рассказал про татуировки и проект с пафосным названием «Рыцари Зоны», совершенно не воодушевивший самого Ворона, о чем он и заявил.

Наверное, любой другой ученый на месте Сестринского послал бы его к черту. Тот же лишь рассмеялся и поблагодарил за прямоту. Профессор считал себя обязанным старшему Ветрову. Ради него собирался либо совершить чудо, либо отправить Ворона на тот свет. Даже удивительно, что при таких вводных решили учитывать желания кандидата в «птенцы».

Интересно все же, отпустили бы его по завершении эксперимента? Вряд ли он стал бы сотрудничать добровольно. Рычагов давления опять же не предусматривалось. Шантажировать отцом? Матерью? Бывшей женой? Сыном? Вряд ли Ворон поддался бы. А отец? Могли ли его самого шантажировать? Теперь не узнать.

В общем и целом упрекать Ворону не пришлось. Если Сестринский пережил ту зачистку, то и его организация – тоже. Однако за все эти годы никто не делал попыток выйти на связь или как-то намекнуть о своем существовании, не напоминал и не предлагал сотрудничать.

Ему подарили шанс, спасли и отпустили. Подобное могло оказаться помощью за просто так, но Ворон не верил в альтруизм и желание безвозмездно помогать кому бы то ни было (не у людей такого склада ума, во всяком случае). Он задавался вопросом, какую же услугу мог оказать Сестринскому отец, но не мог даже представить.

Местом убийства Дымова оказался самый настоящий бункер. Чего стоила хотя бы многоуровневая система защиты на входе. Благо, то ли парень, то ли убийца, убегая, не воспользовались ею.

На полу и стенах виднелись кровавые подтеки, а вот следов борьбы не обнаружилось. Либо Дымов самолично пригласил преступника в бункер, либо тот как-то проник внутрь и напал внезапно. Во всяком случае, заколот «рыцарь» оказался в спину – одним выверенным движением. Сила и точность удара говорили о специфической профессии убийцы: либо хирург, либо мясник, либо солдат.

В подвале обнаружился неплохой арсенал, но ровным счетом ничего особенного: несколько облегченных бронежилетов, способных остановить пулю из обычного «калаша», три пистолета, охотничий нож и патроны. По всему выходило, что ни в какие разборки кланов Дымов не вмешивался, как и не лез в бизнес с артефактами.

– Никакой коллекции старинного оружия не наблюдается, – заметил Ворон. – Значит, убийца принес его с собой.

– Я вот осматриваюсь здесь и не понимаю, зачем такая секретность, – сказал Нечаев.

– Паранойя, например, Владлен Станиславович, – предположил Ворон. – Все stalkеры подвержены ей в большей или меньшей степени.

– Как и все нормальные люди, – в тон ему ответил ученый (ученый ли?).

Высоченный и худой Нечаев, привлеченный Шуваловым к этому делу, Ворону скорее нравился, чем нет. Слегка настораживало, что тот был сотрудником одного из подразделений ЦАЯ, а не напрямую ИИЗ, и скорее всего являлся «засланным казачком». С другой стороны, желание ЦАЯ контролировать авантюру, в которую Шувалов втянул всех, кого смог, казалось понятным и вполне естественным.

Нечаев обладал отличной памятью на детали и чувством юмора. Во всяком случае, поддержал шутку, касающуюся собственного имени, данного в честь вождя, который так и остался живее всех живых в народной памяти. Что сделалось с Мавзолеем, так и осталось неизвестно, поскольку никто из stalkеров не мог добраться ни до Кремля, ни до Красной площади. В ответ Ворон от души посмеялся над парой слухов, касающихся их с Дэнном приключений в Периметре. На том приятельские отношения и установились.

– Василий Семенович, а компьютер увезли ваши поделщики или утащил некто предприимчивый?

– А его здесь и не было, – откликнулся Шувалов, говоривший с кем-то в полицейской форме.

Ворон переглянулся с Нечаевым.

– Оп-па, – проговорил тот и поправил очки, съехавшие на нос. – У нас весь офис, более смахивающий на бункер, забит аппаратурой слежения, датчиками, старыми мобильными телефонами, и даже имеется адская штуковина, напоминающая радиостанцию времен Второй мировой войны. А компьютера-то и нет.

– Если нет компьютера, то кому-то это нужно, – кивнул Ворон. – Скорее всего именно Дымову.

– Схрон?

– Я уверен, в Периметр он ходил, но, судя по невеликому арсеналу, недалеко и точно без захода на север. Наиболее безопасным районом Москвы остается Юго-Запад, вот по нему он и гулял – скорее всего без ночевки, возвращался обратно до темноты.

– Либо у него имелся надежный схрон, в котором удавалось отсидеться, – повторил Нечаев. – Сомневаетесь?

– Отнюдь, полностью согласен. Скорее всего он находится на одной из станций метро красной, оранжевой или серой ветки. Дэн, как там с артефактами? – Ворон резко развернулся на каблуках, только вошедший в комнату Денис, направившийся было в его сторону, приостановился и покачал головой. По его мнению, Ворон зря демонстрировал свою ненормальность окружающим, пусть даже это были Шувалов и его люди.

После того как Ворон подвергся воздействию искусственно созданного артефакта «радужка», который едва не свел его с ума и спровоцировал временную потерю памяти, он приобрел некоторые способности, обычным людям не свойственные. Он, к примеру, мог видеть в абсолютной темноте и даже читать, а еще стоило ему подумать о Денисе, и он точно знал, где тот находится.

«Радужка» на полгода вывела его из строя, наградив непереносимостью к Зоне и даже к самым безопасным разряженным артефактам. Ворону пришлось не только воздержаться от хождения в Периметр, но и уехать из Подмосковья, зато теперь его самочувствие было превосходным, а главное, чувствительность к психотропным проявлениям Москвы сильно притупилась. Возможно, полноценного эмо-удара он и не вынесет, но побороться за себя

сумеет точно, причем не в течение несчастных нескольких секунд, а много более долгого времени.

– Я обнаружил пару «циркулей» в сейфе, один полностью заряженный «мультик» и «огниво», – сказал Денис. – Судя по всему, артефакты предназначались для продажи.

– В обычном сейфе? – уточнил Нечаев.

Денис кивнул.

– Он идиот?!

– Ему сотня лет, Владлен Станиславович, – напомнил Ворон. – Раз дожил – значит нет. К тому же не думаю, будто его волновало побочное излучение.

– Кощей Бессмертный, тоже мне, – вздохнул Нечаев.

– Вряд ли, – хмыкнул Ворон. – Неизвестная науке нечисть, скорее.

«Как и я, и Дэн», – мог бы добавить он, но благоразумно промолчал.

Дэн подошел к нему и тихо, чтобы никто не услышал, сказал:

– А еще у него в ящике стола «сапфировое сердце».

– Них... то есть ничего себе, – присвистнул Ворон.

Артефакт, прозванный «сапфировым сердцем» за приятный глазу внешний вид, защищал от любого психического воздействия. Именно на его основе делали антидот от «радужки».

Ворон подошел к столу и принялся один за другим открывать ящики. Первый оказался пуст, не считая двух пластмассовых скрепок серого цвета и одного скоросшивателя. Во втором лежала пачка чистых листов формата А4, в третьем... Ворон не поверил своим глазам: у дальней стенки притаилась размером с ладонь продолговатая застывшая капля ясно-синего цвета. Скорее всего первородной основой для артефакта послужило цветное стекло, но говорить наверняка Ворон не решился бы.

– Ого! – Нечаев заглянул ему через плечо. – Все же этот Дымов чокнутый. Хранить «мультики» в сейфе, а «сапфировое сердце» в ящике стола...

– Зато мы теперь отчасти знаем, зачем такая секретность и система защиты, – заметил Ворон. – К тому же «цикуль» – еще та дрянь, а «сапфировое сердце» можно хоть в медальоне на шее носить – никакого вреда не будет.

– Не рекомендовал бы, – с нажимом сообщил Денис. – От грабителей отбиваться надоест.

Ворон коротко рассмеялся.

– Ваш напарник прав, – согласился Нечаев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.